

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

СИБИРИАДА

Первое
открытие

Сибиряда

Николай Задорнов

Первое открытие

«ВЕЧЕ»

1949-1969

Задорнов Н. П.

Первое открытие / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ»,
1949-1969 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4444-8603-0

Середина XIX века. Французские иезуиты-миссионеры под предлогом обращения «дикарей» в истинную веру ведут разведку на Дальнем Востоке. Министр иностранных дел Нессельроде дает тайное разрешение английскому разведчику Остену на путешествие по Амуру. Опасность вторжения иностранцев в Приамурье растет с каждым годом. Это прекрасно понимают патриотически настроенные русские люди, к которым принадлежал и молодой офицер-мореплаватель Геннадий Невельской. Заручившись поддержкой губернатора Восточной Сибири графа Муравьева и начальника главного морского штаба князя Меншикова, Невельской, без высочайшего разрешения, летом 1849 года достигает устья Амура и обнаруживает пролив между материком и островом Сахалин...

ISBN 978-5-4444-8603-0

© Задорнов Н. П., 1949-1969

© ВЕЧЕ, 1949-1969

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Завещания землепроходцев и старых вояжеров	6
Глава вторая. Почему были неудачи?	9
Глава третья. Князь Меншиков	13
Глава четвертая. Муравьев	20
Глава пятая. Встреча в гостинице	24
Глава шестая. В главном морском штабе	30
Глава седьмая. Мечты	33
Глава восьмая. В Плимуте	37
Глава девятая. Проводы нового губернатора	42
Глава десятая. На доках	44
Глава одиннадцатая. Канцлер	48
Глава двенадцатая. В Новой Голландии	55
Глава тринадцатая. Остен	59
Глава четырнадцатая. Перо светлейшего	61
Глава пятнадцатая. Рыцарь-адмирал	63
Часть вторая	65
Глава шестнадцатая. Прием	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Николай Задорнов

Первое открытие

© Задорнов Н.П., наследники, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Часть первая

Гвардейский экипаж

Ты желаешь знать, что происходит у нас на Востоке; плавание началось... Дай Бог полного успеха предприятию, великому последствиями.

Сергей Волконский. Из письма к И.И. Пущину

Глава первая. Завещания землепроходцев и старых вояжеров

...мысль о вечном заключении ужасала меня в тысячу раз больше, чем самая смерть.

Василий Головин. Записки

Капитан Невельской сложил листы, исписанные славянской вязью, и, склонив голову, некоторое время смотрел исподлобья с таким видом, словно что-то глотал.

Потом голова его быстро поднялась и лицо приняло властное, повелевающее выражение, словно в этой комнате, заваленной бумагами и книгами, были какие-то люди, с которыми он спорил и зорко, со сдерживаемой неприязнью смотрел на них сквозь тяжелые, почти слепые стены полуподвала. Но в комнате никого не было.

«Кто знает все это? Кому и какое дело до этого? Страшна наша история! И не собрана, не записана как следует, никто не знает многих ее истин, которые дали бы свет новым поколениям. Историки, может быть, дойдут еще... Но когда? Дело не ждет...»

Капитан встал и, схватившись за голову, словно в приступе боли, повел рукой по лбу, как бы желая прийти в себя, и опять припал на локти, читал, теперь уже стоя, потом подвинул стул, встал на сиденье коленом, словно заполз на стол, растянувшись над древней развернутой картой. И долго опять читал, внимательно сверяя писанную славянской вязью старинную рукопись с чертежом, где север был внизу, а юг наверху. Как шли из Якутска, с севера на юг, лицом на солнце, так и чертили наши картографы.

За стенами не слышно ни шагов, ни звука голоса, ни стука. В глухой тишине, при ярком свете свечей можно работать бесконечно. Подсвечники и бра на стенах, на которые поднимались глаза, напомнили бы о роскошестве этого дома, построенного великим Росси... если бы не мысли, далеко уводящие от роскоши и от великих творений...

Андрюшкина, Игнашина, Монастырщина, Покровская, Озерная. Это названия деревень. Не крепости, не остроги, а деревни с землепашцами! Вот доклады, записки, описи... Вот – кучи бумаг!

Схватить и подняться на верхний этаж, кинуть на стол нашему канцлеру и министру иностранных дел! Ваше сиятельство! Там была Россия! Там были земли запаханы. Господа, наши предки не были грабителями, какими вы желаете представить их в подражание Пизарро!

Капитан мысленно говорил с разными людьми. «Да, были несогласия, были преступления, дезертиры и сброд... Объясчивались народцы, по тогдашнему обычаю. Но разве в этом суть? Суть – это московские приказные бюрократы, что помощи туда не дали вовремя. А были города: на Тугуре, и еще напротив устья Амгуни, и еще выше Ачанский – вблизи устья Уссури, еще на Кумаре и на устье Зеи, наконец – Албазин... Более десятка русских городов было на Амуре! Кто знает об этом? В семнадцатом веке, ваше сиятельство! Ученые, составляющие

нашу историю в подражание другим? Помилосердствуйте, окститесь! Что мы делаем? Наши дипломаты того времени, заключая договор с Китаем, первый договор в истории наших двух государств, понимали лучше, чем современные петербургские, что нельзя отказаться от того, что было пахано, полито кровью в войнах. Оставили часть земель неразграниченными и оставили потомкам свое толкование этого пункта договора о неразграниченных землях!»

«Там не только китайцев, но и маньчжуров не было! Маньчжуров привлекли мы сами своими набегами с Амура в глубь Маньчжурии за хлебом, пока по нужде не завели своего земледелия. Есть и у нас такая замашка... Одни строили заимки, привозили семьи из Якутска. А другие ходили за хлебом в набеги! Путаница? Ничего подобного! Маньчжуров не было потому, что им незачем было ходить на Амур, если у них в Маньчжурии тепло и там жителя...»

А распроклятая московская приказная бюрократия не вымерла! Чем наша, петербургская спустя двести лет отличается от московской?

Печальная развязка получилась на Амуре! И все из-за тогдашних московских приказных бюрократов: дорого им было содержать Приамурье и высылать туда помощь. А не оттого, как утверждают настоящие петербургские приказные бюрократы, что будто бы не наступила еще тогда пора для нас владеть Амуром...»

Капитан разогнулся. В голове его давно жили картины далекого прошлого на Амуре.

Каждое чтение новых бумаг подогревало, поджигало его воображение. Иногда им овладевало чувство, похожее на отчаяние, сможет ли он, один человек, смертный, совершить все... Он знал: голова его горячая, а действовать надо со спокойствием – только так можно будет достигнуть цели. Круг людей, посвященных в его замыслы, расширялся. Нужна железная воля и хладнокровие. Давно ли, кажется, был он кадетом... Давно ли минуло детство?

«...Нужно судно по корме развалить, по одному футу с каждой стороны... Дядюшка говорит, что с грузами ничего не получится, грузы меня свяжут. А я все-таки совершенно изменю внутреннее расположение, чтобы груз, который назначен на Камчатку, лежал совершенно отдельно от моего груза. Тогда я экономлю время при выгрузке. Вместо балласта пусть лежат те артиллерийские орудия, которые назначены для отвоза в Петропавловский порт. Скрепить их, связать, и вот еще будет экономия места. Надо высчитать, если развалю бок, сколько всего кубических футов получится?

...Маньчжуры жили на юге, далеко от Амура, но как стали наши с Амура на них набегать, так все и началось...

Первая битва у стен Ачанского городка! Маньчжуры были разбиты и ушли к себе на несколько лет. У них дорог на Амур не было! Тогда поселенец взялся за плуг».

Мерещились полки маньчжурской конницы, подведенной под конец войн под Нерчинск, флотилия казаков с пищалями, бревенчатые стены, предательство приказных бюрократов, народное горе, уход народа с Амура в Забайкалье...

Довольно! Все одно и то же! Нет еще формального приказа о назначении, а надо действовать.

Он свернул трубкой бумаги, исписанные сегодня, сунул их во внутренний карман. Повернул ключ, отворил массивную дверь.

В соседней комнате сидел архивариус Баласогло. На стене висели две шинели. Одна морская, с погонами, другая – чиновника министерства иностранных дел.

– Где ты только все эти бумаги добываешь? – сказал капитан, надевая свою шинель и застегиваясь на все пуговицы. – Я снял копии, что мне надо.

– У дегтя стоять да в дегте не вымазаться! – ответил Баласогло саркастически. – Хочешь, я сведу тебя в тайное наше хранилище, где уничтожается вся наша история... модными нашими медведями, одетыми на французский образец?

Кто знал там, наверху, в квартире министра иностранных дел и канцлера, и во всем этом новом и роскошном доме на Мойке, который набит сытым и довольным чиновничеством всех рангов, о том, что делается и что подготавливается здесь, в одном из самых глухих и тихих уголков здания? Может быть, со временем забегают, замечутся во всех этажах, побегут с бумагами в руках, кинутся в библиотеки, в архив...

– Александр, ты учишь китайский?

– Учю, Геннадий...

– Есть в нем корень с маньчжурским?

– Нет. Китайский язык суть моносиллабический, о чем я тебе не раз толковал. А маньчжурский близок нашему тунгусскому... «И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус...» – продекламировал Баласогло. – Ты все ищешь свои доказательства? Сколько тебе еще надо? Открытие твое Китаю и его истории, может быть, не менее нужно, чем нам. Китайцы – гордая нация, и они еще маньчжуров скинут. Только по причине необъятной своей численности, а также гордости и горячего ума они вечно ввергаются в противоречия между собой...

«Парадокс и нелепица! Толкуют в палатах, что есть карты Приамурья, доказывающие, что там теперь чуть ли не страна маньчжуров! – думал капитан, шагая в злой ветер, в муть его белых снежных волн, несущихся от Невы. Сейчас улицы пустынные, а дворцы и министерства столицы выглядят замерзшими кораблями. – Маньчжуры завоевали Китай, сели на его престол, стали китайскими дворянами. Вот и вся загадка, почему маньчжуров вдруг стали ученые европейцы именовать китайцами.

Доказать, что Амур не потерялся в песках, – первое. Что карты ложны... Что история забыта и ее надобно вспомнить и не лгать в угоду установившемуся мнению европейцев... Что право наше на землю, отнятую силой, – неотъемлемо на века! Что столица – гнездо бюрократии – зародыш гибели всякого живого дела. Они, подлецы, не понимают, в чем разница. Англичане ведут войну за опий, чтобы травить в Китае народ, это у них там нет, не было и не будет ни клочка земли. Впрочем, как я могу идеализировать Хабарова или его преемников Толбузина и Бейтона, когда они главной цели себе не ставили, по тому времени и не могли ставить – они не понимали значения великой реки... Теперь социальные идеи о будущем человечества... А казаки шли и занимали то, что желали занять: где теплее и земля богаче...»

Ударил ветер со снегом. Глушит такой ветер даже моряка.

«Хватит про исторические бумаги. Надо нагели сделать из кореньев. Когда железные нагели источатся, то корневые скрепки набухнут в морской воде и сольются с деревом.

Надо писать письма в Севастополь. Дядюшка дал рекомендацию к Михаилу Петровичу Лазареву. В Финляндии строится корабль – копия лазаревского “Сухум-Кале”. Я буду командиром судна. Буду ли? А если я развалю бока? Взъерепенится адмирал? Он же сам проект составлял, говорят. Может быть, рангоут надо уменьшить. Что-то мне по чертежу мачты очень велики кажутся. Надо осмелиться и написать прямо в Севастополь и спросить дозволения. Экий несуразный человек мой дядюшка Куприянов, а немало дельных от него советов».

Глава вторая. Почему были неудачи?

«У нас стали перепечатывать европейские карты со всеми их нелепостями и ошибками. Вот теперь попробуй узнай, как получилось и почему! Почему и с какой целью первоначально явились ошибки на европейских картах?»

«Взял в библиотеке Географического общества описание путешествия Сарычева и доклад недавно побывавшего в неразграниченных землях Миддендорфа. Его доклад сам слышал на заседании общества. Очень интересен был отчет. Надо его перечитать».

«Литке – председатель общества. Когда-то и ему поручалось исследовать все заливы на юге Охотского моря, значит, и лиман реки Амура. А он туда не пошел...»

«После Сарычева плавал в тех морях Козмин. Козмин – орешек и ныне здравствует. Козмин чуть ли не двадцать лет тому назад искал места, удобные для основания порта на месте лучшем, чем Охотск. Уже, наверное, полсотни лет хотят Охотск перенести на новое место. Он знает охотские побережья как свои пять пальцев. Он-то и доставил сведения, что ни удские тунгусы, ни амурские гиляки ни от кого не зависят... Он, наверное, и название это привез, откуда-то взял – гиляки...»

– Где быть Охотскому порту? Почему не могут его перенести, если он стоит на гнилом и нездоровом месте? – при встрече спросил Козмина капитан.

Козмин теперь подполковник, как все исследователи Востока, которым больше жить негде, живет в Петербурге в приличной квартире и ведет размеренный образ жизни. Старик? Не скажешь! Кремень! Какой был в тридцать, такой и теперь.

Козмин в годах, раздался вишь, как и все, кто смолodu носил в себе большую силу и, не зная отдыха, трудился.

Принял любезно. Простота его прикрывалась напускной строгостью. Но в лице, в глазах явился свет ума и доброго чувства, которые, видно, питались множеством знаний, добытых самим Козминым за долгую морскую службу. Ему отрадно было поделиться с Невельским, чем мог.

По сути дела, на нем многое стояло и теперь, хотя Козмин лишь столоначальник в гидрографическом департаменте. Но он заведует инструментальным кабинетом. Один из самых знающих моряков в государстве, как о нем говорили, а не известен никому, кроме начальства и лиц, с которыми соприкасается по служебным делам. «А знает он больше всех наших адмиралов! Иди к нему, иди...» – велел дядя Куприянов.

В 1815 году выпущен был Прокопий Тарасович Козмин из штурманского училища подштурманом и только на другой год произведен в штурманские помощники в чине унтер-офицера.

Невельской знал и уважал его как товарища и сподвижника Василия Головнина. Козмин ходил с ним на шлюпе «Камчатка» вокруг света. На Козмине «стояла» впоследствии вся экспедиция барона Врангеля в Ледовитом океане. Козмин самостоятельно произвел опись берега Колымы до Индигирки и описал группу Медвежьих островов, где один мыс и река названы его именем. С Врангелем же вторично ходил вокруг света.

Но самое главное для Невельского не в этом. Козмина надо расспросить про то время, когда он, перейдя на службу в Российско-американскую компанию, был начальником экспедиции, ходившей на судне «Акция» на Шантарские острова. Там он сам встречал гиляков. Первый привез важнейшие известия.

Все это самые тяжелые вояжи. Самая трудная сторона морского дела лежала на Козмине. На Шантарах он открыл и описал два больших острова и в честь своего начальства, директоров компании, назвал их Кусовым и Прокофьевым. Но не это, не это главное.

Остров Кусова... Двухсотсаженные рыжие скалы среди кипящего Охотского моря. Увидит ли их капитан когда-нибудь?

Плавал Козмин и на пароходах по Балтийскому морю, а на парусных судах с моряками-аристократами, на которых, по первому впечатлению, показался ему похожим явившийся в инструментальный кабинет молодой капитан-лейтенант.

Козмин слушал его долго, все выслушал. Подполковник, но ведь штурманский, то есть из простых, терпеливых... они умеют слушать.

– Это все неверно! – сказал Козмин. – Этого нет ничего! – и несколько раз махнул рукой.

– Почему же вы молчите, если этого нет?

– То есть как-с... Поясните... Кстати, никто не молчит, поданы не раз были рапорты...

– А судьба их?

– Как и судьба всех бумаг! Исследуйте вид какой-либо касатки или объясните научно о нем что-нибудь – и вас распубликуют во всей Европе и ваши коллекции поместят под стекло. А спросите Федора Петровича, почему он, имея все средства: судно, людей, инструкцию описать все южные заливы Охотского моря, а значит, и лиман, – не пошел туда и не проверил мои доклады и рапорты? Чем это можно объяснить? Подумайте. А? Вот то-то!

Козмин вдруг рассердился.

– Пришлось бы опровергать Крузенштерна, на это Федор Петрович никогда не пойдет. Рыб описывать, моллюсков, водоросли? Пожалуйста! А спорить с учеными Европы, составившими карты, он не будет, так как честь науки для него на первом месте.

– Какая же это наука! – ответил Невельской. – А гиляки независимы? – вдруг спросил он.

– Вот пойдете и убедитесь сами. Тогда вспомните меня! Мне же никто верить не хочет... Кому скорей поверят: ученому или штурману? Императрица Екатерина, говорите, строила там острог? Значит, она знала, что земли там ничьи с тех пор, как нас силой выгнали из Албазина. Так ведь нас потом, на основании этих ложных карт, будут тысячу лет корить, что мы схватили не свое, те же европейские ученые...

– Я знаю больше. Мне сказывал адмирал Петр Степанович Лутковский, что вы с ним просили у правительства разрешения спуститься вниз по Амуру.

– Дважды просили...

Невельской плавал на Балтийском море с Лутковским, когда обучали великого князя Константина. Высокий, с плоским, бесцветным лицом, Лутковский всегда очень спокоен. Есть что-то сухое, чиновничье в его голосе, с кем бы он ни говорил. Англичане бывали в восторге от Лутковского и награждали его своим тяжелым вниманием. Может быть, угадывая родственную натуру?

Петр Степанович в Сибири своего замысла не осуществил и дела до конца не довел.

Козмин встречал гиляков, приходивших на охоту на Шантарские острова. Он узнал об их независимости, о том, что они власти не признают никакой и что Амур никому не принадлежит.

– Так и не довели вы дела до конца! – сорвалось с языка у Невельского, но он сразу же пожалел о вылетевших словах. Кажется, обидел Козмина, который ни в чем не виноват.

Хотел проститься, но подполковник стал в свою очередь его расспрашивать, устроил как бы целый экзамен.

Невельской отвечал про хронометры системы Паркинсона и думал, неужели судьба всех исследователей Востока одна – доживать свой век при должности в петербургской квартире на прошке?

Козмин пригласил молодого человека к себе домой, где рассказал ему много нужного и показал карты, рисованные гиляками на бересте.

Почему-то засели в голове слова: «Нелегкий путь вы избрали, Геннадий Иванович... Держитесь крепко...» И еще запомнил хорошо, как старый штурман сказал и шутливо и серьезно:

«Только помните, Геннадий Иванович, что там надо целоваться с дикарями, таков их обычай приветствия, и предупредите своих мичманов, которых станете посылать на опись».

Еще Козмин сказал, что для тамошнего коренного населения, для гиляков и прочих народов должен быть смысл в нашем появлении более глубокий, чем получение стальных изделий или украшений.

– Миддендорф нашел проводника из гиляков, о котором пишет, что это гениальный выродок! – сказал Невельской.

Козмин сказал:

– Вы всегда найдете его, помните только имя, а он от вас никуда не денется. Если ходил с нашей экспедицией и услышит о вашем появлении – явится сам, где бы ни был. И другого гениального найдете. Это люди понятливые и переимчивые.

...Невельской сидит в расстегнутом мундире, видна нижняя рубашка. В форточку валит холод. Стол завален картами, пачками бумаг, записками, расчетами, чертежами... Журнал со статьей об отклонении компаса, книги Сарычева, Головнина, Крашенинникова, пачка бумаг, перебеленных писарским почерком, – копия доклада Миддендорфа, сделанного в Географическом обществе, копии бумаг из архива министерства.

Карты на столе – разных времен.

«Чтобы потом тысячу лет не корили нас».

В комнате густо накурено, дымящаяся трубка лежит в огромной тонкой раковине, и морщины ее как розовые лучи...

Голова у человека так устроена, что в ту пору, когда все душевные силы приведены в движение, думается иногда о нескольких делах сразу и еще затешется безделица между нужных мыслей.

Всех теперь перечитал: Литке, Беллинсгаузена, Головнина, Сарычева, Хвостова и Давыдова. Живые – все знакомы, кажется. Всех расспрашивал. Еще надо искать людей.

«Ваша светлость, сколько можно тянуть! Мне надо, чтобы вы меня скорей назначили...» Так сказать бы его высочеству великому князю Константину Николаевичу.

Сказал об этом Федору Петровичу Литке. «Кто же за себя просит! Это неудобно, Геннадий Иванович, и нескромно», – ответил адмирал. Он и Лутковский дали формальные рекомендации Невельскому и просили о назначении его командиром «Байкала». Но ведь на такую должность немало желающих. И нельзя светлейшему князю Меншикову, начальнику Главного морского штаба, так заявить: мол, ваша светлость, сколько можно тянуть. «Ваше дело верное, назначение будет обязательно, его высочество великий князь ходатайствовал за вас...» – уверял Литке.

«Будет! Когда еще будет! А транспорт уже строится. И мне надо бы успеть развалить ему бока, выйти в плаванье вовремя, это значит на пять месяцев раньше, чем предпишут бюрократы. Я бьюсь, мечусь и во всем спешу, еще не утвержденный в должности, и люди со мной разговаривают. Но мне-то каково... Мне могут сказать – идите прочь, господин капитан-лейтенант, вы самозванец... А наша государственная машина медленно-медленно ворочает свои механизмы, как водяной ворот на Колпинском заводе».

«Термометры, лаги, шагомеры, барометры, компасы, хронометры столовые, карманные – все помянул Козмин. Дотошный в своем деле...»

«Но ведь судна еще нет, я не назначен, а я уже с ума схожу оттого, что руки связаны... Мне надо адмиралу Лазареву писать об изменениях проекта транспорта, а я не могу же написать, что, мол, только еще хлопочу о назначении... А не успеешь оглянуться, зима пройдет. Граф Гейден выехал в Ревель и скоро вернется, без него, видно, в инспекторском департаменте никто ничего не посмеет назначить». В свое время граф Гейден отрекомендовал Невельского после кадетского корпуса в гвардейский экипаж.

По представлению Крузенштерна. Гейден сказал – и так было Так будет и теперь? Но когда? Больше того, Гейден сказал, что будут назначены лучшие офицеры. Друг Петр Казакевич, барон Гейсмар, Грот, Гревенс... «Боже мой! Придется моим морским аристократам и баронам целоваться с гиляками! Первейшее условие поставлю, как пойдем на опись».

«Надо еще раз встретиться с Кашеваровым. Он алеут сам по рождению. Сколько людей, знающих у нас те моря! И никакого движения! Сидят в Петербурге, скрипят перьями, пишут воспоминания...

Кашеваров, тот при встрече так и сказал, что Петербурга не любит и поедет на Восточный океан, чтобы приносить там пользу. Ну, скажут у нас в обществе, мол, это потому, что он алеут, хотя и автор известной книги, и молодой еще человек. Вдруг стал расспрашивать про ученье Фурье. Заявил, что учение о коммунизме, если его осуществить, может сохранить и поставить на высоту ныне пренебрегаемые народы. Между прочим, Кашеваров заметил с важностью, что целоваться с гиляками не обязательно. Это лишь внешний вид уважения, и нечего дикарские привычки оправдывать. Сам не замечает, как в Петербурге впитал в себя все замашки бюрократов, хотя и мечтает о коммунистических фалангах на Аляске... У Кашеварова развивается что-то вроде мании величия. Грубо спросил, почему я так хлопочу, когда еще нет моего назначения! Мог бы спокойно отдыхать... А сведения его бесценны! Много он знает, и, как разговорится про свой Север, можно его часами слушать. В свое время рождались легенды о людях с двумя головами. Вот я чувствую, что надо мне две головы, чтобы все запомнить.

Кашеваров – алеут, а знаменитый ученый-синолог архимандрит Иакинф Бичурин – чуваш, а оба набрались величия от нашего брата чиновника...»

«Козмин говорит, что у англичан есть новый шагомер системы Пеги, и советует взять в Портсмуте компасы нового устройства с балансами и прозрачной картушкой».

В дверь постучали. Вошла жена брата.

– Чай пить, Геннадий Иванович!

Надя покачала головой. Холод в комнате, Геннадий Иванович раздетый, распахнутый, на столе – как после сражения. Слугу своего опять послал куда-то, гоняет его целый день с письмами и поручениями.

Геннадий Иванович, взлохмаченный, пошел пить чай, быстро, словно боится опоздать, как всегда.

– Мне надо еще в Колпино! – сказал он брату, входя в столовую. – И что за грузы будут... Списка еще нет... Я слышал, что Михаил Петрович Лазарев придет нынче летом из Севастополя.

– Напиши, напиши его превосходительству... не жди, – сказал Никанор.

Глава третья. Князь Меншиков

Не торговал мой дед блинами...

А. Пушкин

– Чем ты расстроен, mon cher? – спросила княгиня, вернувшись поздно вечером домой. – Что за неприятные разговоры были у тебя?

– Из-за пустяков! – сидя в кресле и принимая от слуги стакан, отвечал Меншиков.

Разговор происходил в доме Меншиковых, в полуосвещенной гостиной. Князь выпил лекарство и с помощью слуги поднялся на усталых, больных ногах.

– Язык твой – враг твой, – с укоризной сказала старая княгиня и, пожелавши мужу спокойной ночи, удалилась, позевывая.

Князь со всеми и всегда был язвителен и властен, но в отношениях с особами царствующего дома – мнителен. Ему показалось сегодня на балу, что великий князь Константин, генерал-адмирал русского флота, молодой еще человек, был с ним сух и холоден.

...Образование Константина закончено. В скором времени великий князь женится; он влюблен в невесту и, кажется, только о ней и думает, но через год после женитьбы, а может быть, и раньше, начнет входить в дела флота.

С Константином князь поладил бы, но за его спиной стоит Литке, его учитель и наставник, а Меншиков его терпеть не может. Литке – друг Врангеля... Князь уже решил: убрать Литке куда-нибудь подальше, в Архангельск, что ли.

...Бал был громадный. Присутствовали все морские офицеры Петербурга и Кронштадта.

Князю опять пришлось услышать разные толки о назначении одного молодого офицера командиром кругосветного транспортного судна. Офицер этот был вахтенным начальником на «Авроре», где обучался морскому делу Константин.

Не из-за этого ли офицера недоволен великий князь?

Литке рекомендовал его, и Константин ходатайствовал. Но как знать, годен ли будет он для командования кругосветным транспортом? Константин совсем еще юноша, ему все кажется возможным. Рекомендациям Литке князь не очень верил.

«А отвечать за транспорт мне! Были люди и постарше и поопытней. Желających немало, и у всех найдутся рекомендации. Мало ли что офицер окончил корпус из первых, отлично учился в офицерских классах. Да где он плавал? С великим князем?» – Меншиков относился иронически к этим путешествиям. Одно – с великим князем плавать, а другое – командовать самому, да еще транспортом.

«Невельской служил на линейном корабле. Вахтенным лейтенантом. Правда, командовал он вахтой особой. В этой вахте был записан простым матросом по приказанию отца великий князь Константин Николаевич. Государь прочил младшего сына в генерал-адмиралы. Константин должен стать главой морского флота в государстве. И уже становится. Для воспитания его в свое время по рекомендации учителей морского корпуса, а более всего самого директора корпуса Крузенштерна назначен был Литке, придан ему лучший и смелейший из морских офицеров, образцово закончивший морской корпус, Геннадий Невельской. Сын небогатой вдовы – помещицы из-под Костромы... Еще Петр Великий велел набирать моряков в Костромской губернии, где Иван Сусанин спасал род Романовых. Бог с ним, с этим Невельским...»

Константин вырос, входит в силу, хотя еще зелен. Ходатайствует за офицера, у которого бегал по мачтам.

И хотя Меншиков не мог пренебречь ходатайством будущего главы русского флота, но и к назначению душа не лежала. Следовало все взвесить и, быть может, как-то отвлечь Константина, которому, верно, это скоро и не очень надо будет. Ведь все забывается.

Предстоящее назначение вызвало разговоры, и некоторые были недовольны.

Когда же сегодня великий князь, генерал-адмирал, выказал Меншикову холодность, старый князь спохватился: не дал ли маху?

Было у князя и еще одно соображение, почему он так долго тянул с назначением Невельского. Князь слышал об этом офицере не раз и прежде и не хотел бы отпускать его. Он был нужен здесь.

«Он смышлен, – думал Меншиков, – красноречив, хоть и заика. У меня не так много хороших офицеров. Так у нас повелось: как русский выдался – на транспорт его да на край света или на Черное море! А тот рвется за чинами в кругосветное. Русские тянут лямку, а немцы все у меня в Адмиралтействе, да еще поговаривают между собой, что славяне без Рюрика никуда не годны. Все родственники и протеже Врангеля и Гейдена!»

Могли, конечно, быть и другие причины для недовольства великого князя. В голове Меншикова, как всегда в таких случаях, поднялся целый вихрь догадок и предположений. Могли быть интриги, оговоры. Но все же ни одна из причин не была серьезной, и Меншиков не знал, на что подумать.

«Не Чернышев ли опять напакостил? Черт меня за язык дернул!»

Графиня Чернышева, жена военного министра, недавно рассказывала в обществе о военных подвигах своего мужа: он, будучи молодым офицером, дважды будто бы разбил в двенадцатом году Наполеона, чуть не взял его в плен и отбил у французов большой город. Но название города графиня позабыла.

– Подскажите, князь, какой город занял мой Александр, – попросила она сидевшего подле Меншикова.

– Вавилон, графиня, – ответил тот серьезно.

А однажды матрос вез дрова по набережной Невы.

– Куда везешь? – спросил шедший пешком Меншиков.

– Пароход топить! – браво отвечал моряк. – Повезем министра финансов.

– Ты сначала посади министра, – ответил Меншиков, – а потом уж топи пароход!

Каламбур слышали сопровождавшие князя офицеры. Новый анекдот быстро разошелся по Петербургу.

А с Карлом Нессельроде князь давно был на ножах и как-то среди своих назвал его графом «Кисель вроде».

Со строгим государем было гораздо легче, чем с пройдохой Нессельроде. С этим сладу не было.

В спальне, раздевшись, усталый, разбитый после целого дня забот, после бала и мнимых неприятностей, с мозжившими ногами – еще, как назло, погода проклятая, – князь, как всегда в трудные минуты, подумал, что не раз выходил благополучно из разных передраг и что царь его в обиду не даст. Он знал, что Николай хочет походить на Петра Великого и уж по одному этому с Меншиковым не расстанется.

– Все пустяки! Утро вечера мудренее!

Крестясь, охая, проклиная годы и великого князя, огромный сухой старик в длинной рубахе полез на кровать...

На другой день на дом к князю из инспекторского департамента, ведавшего назначениями и всем офицерским составом флота, вызван был адмирал Митяев, заменявший уехавшего в Ревель графа Гейдена.

Меншиков жил неподалеку от Адмиралтейства, в новом доме, построенном для начальника Главного морского штаба.

Князь, широкий в своем мундире, надушенный, важный и как бы помолодевший, сурово оглядел вошедшего.

Адмирал был курнос, узок в плечах, сутул, с большим животом. Черные волосы его, зачесанные на лысину, поднялись и торчали, как перья. Этот адмирал был один из тех невзрачных людей, которых в своем департаменте держал и выдвигал по службе блестящий граф Гейден, надеясь найти среди них своего Аракчеева.

Митяев подал бумаги.

– Что же мешкаете с назначением командира строящегося судна? – просмотрев их, спросил Меншиков. Ему не очень нравился этот адмирал-плебей с выпученными глазами. – Знаете же, чье ходатайство и чья рекомендация!

– Ваша светлость сами решили повременить. Ведь граф Логин Логинович перед отъездом...

– Что я! Надо иметь свою голову... Сведения о нем собрали?

– Отличный офицер, ваша светлость! Окончил курс первым и первым – офицерские курсы. Вот изволите прочесть, служил эти годы под командованием Литке, на всех судах, где обучался его высочество генерал-адмирал, великий князь Константин. «Беллона», «Аврора», «Ингерманланд» – лучшие суда нашего флота!

– «Прекрасный офицер»! – передразнил Меншиков. – Мало ли что! А как разобьет судно? С ним няньку надо! Перед ним карьера тут открыта, а он стремится в кругосветное. Идет за чинами и услугой. Да вы говорили с ним?

– Так точно, ваша светлость. Уверяет, ваша светлость, что желал бы видеть восточные моря. Он тут говорил своим товарищам, что, если не дадут судна, попросит перевода в Охотск.

– В Охотск? – удивился князь. «Уж это чушь какая-то», – подумал он.

– Уверяю вас, ваша светлость, что так говорил...

«Чем черт не шутит, – вздохнул Меншиков. – В знак протеста, что не пускаем в кругосветное, транспорта не даем, подаст прошение о переводе в Охотск! Мол, глядите – оскорбление... – Князь уже слышал, что этот офицер большой задира... – Быть может, у них какая-нибудь мальчишеская затея».

– Следовало бы вам пояснить причины, почему он добивается. Я слышал, что он большой брульон.

– Я докладывал вашей светлости. Вот у нас все сведения.

– Ну и что же?

– Скромнейший офицер, ваша светлость. Усиленно занимается науками. Он не обижен, а, верно, в самом деле желает быть назначенным командиром строящегося брига, чтобы отправиться на восток.

«А говорят – брульон! – подумал Меншиков. – Он и без плаванья мог бы вверх пойти».

– Приготовьте назначение и все бумаги, а капитан-лейтенанта Невельского пригласите ко мне, – велел Меншиков.

На другой день в приемную князя быстрым и крупным шагом вошел Невельской. Он с острым и загоревшим, чуть покрасневшимся от холода лицом. У него светло-русые волосы и такие же светлые усы.

На молодом офицере новенький – с иголочки – мундир гвардейского экипажа, во всем блеске, золотой кортик у пояса и, несмотря на молодость, ордена Анны и Станислава, от которых его грудь кажется шире. Но все это выглядит скромней, чем на других, от озабоченности и внутренней деятельности, выраженных во взоре. К тому же на лице его несколько заметных рябин.

Вошел в кабинет, вытянулся, щелкнул каблуками, доложил о прибытии и замер, глядя остро и упрямо. Теперь вся его тонкая, вышколенная фигура с прямой, негнущейся спиной выражала готовность сопротивляться, подбородок слегка был опущен, но только чуть заметно – нельзя было бы и в строю придраться. У него вид бычка, который собрался бодаться. Готовность умело и рассчитано повернуть любого врага подчеркивалась жестким взором. Глаза

заблестели дерзко при свете свечей, зажженных в это туманное и холодное петербургское утро на столе и над столом князя.

«Аристократ на современный манер и с норовом, – подумал князь. Он знал и таких. – Молод, но с претензиями».

– Что случилось, господин капитан-лейтенант? – сурово глянув на него, спросил князь, сидевший прямо и неподвижно. – Вы желаете назначения вас командиром строящегося транспорта «Байкал»?

– Да, ваша светлость, я прошу об этом.

– И вы желаете, после кругосветного, остаться в Охотской флотилии, чтобы служить на транспорте в восточных морях?

– Да, ваша светлость! – ответил офицер.

Под слегка насупленными светлыми и густыми бровями взор его вдруг смягчился, выражение напряжения исчезло, и все лицо сразу переменялось, словно он заметил в князе что-то располагающее к себе. Оно лишилось остроты, стало обыкновенным русским лицом, не узким и не широким, с крупным, резко очерченным носом, энергичное и серьезное, но доброе, и видно было, что это человек не только сильный, но и впечатлительный.

Князь, подняв глаза от бумаг, несколько удивился такой перемене. Перед ним был как бы другой человек. Мягкий и спокойный взгляд офицера не понравился Меншикову. Он привык, что к нему наперебой лез народ упрямый, сильный, заносчивый, кичащийся дворянством, чинами, с просьбами, жалобами и требованиями. Но князь был стар и опытен и знал, что с такими легче, а за кажущейся мягкостью нередко таится большая сила и от таких людей чаще всего бывают неприятности, и он снова заговорил:

– Мне бы не хотелось отпускать вас так далеко. – И, помолчав, добавил небрежно, но у него это получилось значительно: – Вы могли бы с успехом служить здесь... Вы здесь нужны.

Чуть заметная дрожь пробежала по рукам офицера. Выражение напряжения снова явилось в его лице и фигуре.

– В-ваша светлость! Я хотел бы получить назначение на транспорт, – чуть запнувшись, ответил он.

– Да вы знаете, что это за транспорт? Ведь это не «Аврора», и не «Беллона», и не «Ингерманланд», на которых вы служили. Строится маленький транспорт, пойдет в Петропавловск-на-Камчатке, чтобы потом делать рейсы между портами Востока, возить там разные товары. Надо доставить грузы! И все.

– Я буду вполне удовлетворен, ваша светлость, – ответил Невельской.

Князь заметил, что, несмотря на выдержку, молодой офицер почему-то слишком волнуется. Он захотел призадержать его.

– Вы представляете, в какую обстановку вы попадете, что там за порты, что за жизнь? Ведь «Байкал» идет в Камчатку! В Кам-чат-ку! – повторил Меншиков. Сухая, прямая фигура его несколько согнулась. Он как бы потянулся к Невельскому. – И в Охотск! Там большую часть года зима и деятельности нет. Туда мы обычно посылаем служить скомпрометировавших себя офицеров. Офицеры, идущие в кругосветное, немедленно по окончании вояжа возвращаются в Петербург. Вы сбежите оттуда. А я предлагаю вам вместо этого ко мне в штаб.

Князь намекнул, что и так может дать ему следующий чин, предполагая, что, быть может, из-за этого Невельской просится в тяжелое путешествие.

– Подумайте, Геннадий Иванович! Здесь привычное для вас общество. Его высочество знает вас.

Момент был решающий. Могло все рухнуть. В глазах капитан-лейтенанта сверкнули чуть заметные огоньки.

Он знал: если сказать, что задумал, – откажут, как бы ни был полезен замысел. Но если свою мысль назовешь не своей, а скажешь, что ее подал кто-нибудь свыше, что за тобой стоят...

– Ваша светлость! – сказал офицер, гася чуть заметные проблески, вспыхнувшие во взоре, где на смену им сразу же явилось тоже чуть заметное выражение обиды и неприязни. – Его высочество подал мне эту мысль...

У него уже был готов ответ и дальше: «За годы совместной службы его высочество часто говорил, что офицеры нашего флота должны изучать Восточный океан и видеть в нем нашу будущую школу...» Этот энергичный офицер был быстр на соображение и красноречив. Для пользы дела он, кажется, умел лгать!

– Но что же привлекает вас в Охотске? – любезней и вызывая на откровенность, спросил князь.

Но ответить откровенно – значило, быть может, погубить все дело. Тогда бы уж не Константин, а царь решал, быть ли ему командиром транспорта. И тогда бы дело затянулось бесконечно.

– Восточные моря представляют огромный интерес, – ответил офицер. – Я бы охотно изучал их и исполнял бы там любые поручения правительства. Тем морям принадлежит будущее.

– Да ведь это будущее! А в настоящем там пустыня. Общество офицеров там не отличается трезвостью и приверженностью наукам. Действительно, поле для деятельности там велико, но лишь несколько месяцев в году. Да искренне ли ваше желание? – спросил князь, кажется, более желая сам успокоиться, чем выяснить причину.

– Вполне искренне! – с жаром ответил Невельской, и лицо его, зардевшись, стало мальчишески юным. – Если ваша светлость находит необходимым для пользы дела, то по окончании вояжа я согласен немедленно возвратиться в Петербург. Но я бы хотел остаться в распоряжении губернатора Восточной Сибири.

– Ну, как хотите, – холодно сказал князь и снова стал прям, как палка. – Потом не раскаивайтесь.

«Кто его знает, может быть, верно, хочет там делом заняться. Дельный офицер и там был бы полезен. Там – Аляска, Калифорния, Амур, Япония... Молодость, фантазия, порывы. Но ведь там больше на берегу сидят, пьют горькую да доносы пишут или составляют несбыточные проекты великих открытий».

Князь вспомнил про генерала Муравьева, который только что назначен в Сибирь. У того тоже широкие планы, а на людей глаз наметан.

– Зайдите представиться новому генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-лейтенанту Муравьеву, – сказал князь прощаясь. – Он находится в Петербурге. Когда вы прибудете в восточные края, поступите в его распоряжение. Таково положение в Восточной Сибири, что командиры судов и морские офицеры подчинены там генерал-губернатору. Он – командир портов Востока.

– Слушаюсь, ваша светлость, – коротко ответил офицер. Вытянувшись, он почтительно поклонился, повернулся на каблуках и вышел быстрым, размеренным шагом. По его движениям угадывалась физическая сила и натренированность.

– Да он здоров? – спросил Меншиков у вошедшего адмирала Митяева. – Остаться в восточных морях!

– Здоров совершенно! Он живет в Кронштадте, но так как имеет средства, а также занимается науками, что не всегда возможно в офицерском обществе, то часто бывает в Петербурге. У него есть квартира на Крюковом канале у родственников. У брата – капитана второго ранга Никанора Невельского-первого, который служит у нас в инспекторском департаменте и живет неподалеку от гвардейских экипажей. Ныне Невельской-второй здесь. Через дворников узнавали, что здоров. А вчера был в библиотеке, позавчера ездил в театр, смеялся громко. Давали обличительную комедию. И знаете, так заразительно смеялся, что даже публика подхватывала. Голову закидывал будто бы... Вот этак! – хрипя, показал адмирал.

– Как вы все это быстро узнали!

– Да тут младшие чины моего отдела, – уклончиво, но с живостью сказал адмирал. Он не стал поминать князю, что ведь Никанор Невельской из инспекторского департамента хлопочет за брата и что это именно ему Геннадий сказал, что если транспорта не дадут, то попросится в Охотскую флотилию.

– Как я докладывал, еще в корпусе обратил на себя внимание необыкновенными способностями, – продолжал Митяев. – Закончил курс пятнадцати лет, а был первым учеником. Государь приказал ему погон не давать при окончании за то, что мал ростом. Невельской с детства склонен к наукам. Он рос в глуши, в костромских лесах.

– А где именно?

– В деревне Дракино, ваша светлость!

«Одно название чего стоит! – подумал князь. – А такого аристократизма нахватался... С адмиралами да на королевских приемах!»

– По соседству, у его дяди, была библиотека. Он мальчишкой все пропадал там. А дядя был эдакий чудак. Сидел в медвежьем углу и все интересовался путешествиями и науками. Знаете, ваша светлость, ведь есть такие чудачки – живут по захолустьям и еще чем-то интересуются там, мысленно путешествуют по всему свету или рассуждают о высоких, им недоступных предметах. Вот этот дядя-библиофил со своей библиотекой оказал большое влияние на мальчика. Его отвезли в корпус, в Петербург, и он так яро стал учиться, что кончил курс лучшим. И на всю жизнь сохранил приверженность к наукам. Науками очень любопытствует.

– Науками надо заниматься в Петербурге, – назидательно заметил князь.

– Ну да, тут академия, ученые, – подхватил адмирал.

– Не в Охотске же науками заниматься? – иронически продолжал князь.

Меншиков был обладателем огромной библиотеки и считался одним из самых образованных людей в Петербурге. Но при таком образованном начальнике морского штаба на флоте почти совершенно прекратились исследования. Меншиков непрерывно пополнял свою библиотеку книгами на всех европейских языках, но это не мешало ему отвергать изобретения русских авторов, увольнять из флота офицеров, занимающихся науками, высказываться против введения гребного винта и винтовых судов.

Когда-то русский флот производил важнейшие научные исследования. Лазарев и Беллинсгаузен ходили к Южному полюсу, Литке – на Север, Сарычев, а также Головнин и его ученики изучали Восточный океан.

Ныне даже Литке лишен был практической научной деятельности. Он до сих пор занимался обучением царского сына и теперь был без дела.

Поставив во главе флота человека, пользующегося славой весьма образованного, на авторитет которого всегда ссылались, царь облегчил изгнание науки из флота.

Меншиков сожалел втайне, что глушит все здоровое во флоте, но, преданный царю, не желал совершать никаких не угодных ему действий. Он знал, что это плохо, но что иначе нельзя.

Князь был умен, но ленив и привык за свои шестьдесят с лишним лет к мысли, что ничему новому в чиновничьей России ходу не дают. Он стал таким же служакой, как все другие, и лишь в остротах, известных своей едкостью, отводил иногда душу.

– Науками надо заниматься там, где есть особые, назначенные государем для этой цели учреждения, которые и обязаны заниматься науками.

Адмирал слушал с восторгом, принимая эти высказывания за чистую монету и не замечая, что князь иронизирует.

– Вот я вам расскажу, – вдруг вспомнил князь. – У меня стали болеть лошади. Тогда я сам решил взяться за науки. За каких-нибудь шесть месяцев осилил ветеринарию! Вылечил

всех лошадей. С тех пор не обращаюсь к коновалам. Так что при желании науками может заниматься каждый. Не так уж трудно! Правда?

– То есть...

– Ну, как же, братец?

– Очевидно, так, ваша светлость!

Разговорившись про лошадей, на свою любимую тему, князь увлекся и пришел в хорошее настроение.

– Что еще о Невельском узнали? – спросил Меншиков, которого все-таки заботил этот странный офицер. По нынешним временам следовало быть бдительным. Мало ли что могло быть. Надо знать настоящие причины. Не беда, если наука...

– Что он холост...

– Ну, это я знаю.

– По флоту одним из лучших женихов считается, ваша светлость, – сияя, заметил адмирал, знавший, что князь любит посплетничать про своих подчиненных. Он обрадовался, что разговор неожиданно зашел на такие темы.

«Может быть, и несчастная любовь, разочарование», – подумал Меншиков.

Мало ли чего не пришлось насмотреться князю в этой должности, да еще с морскими офицерами! И дуэлянты, и ревнивые мужья, и отчаявшиеся влюбленные...

– Еще просил за него Лутковский. Он поддерживает дружественные отношения с обоими Лутковскими. Да, в общем, знакомства его обширны в разных кругах. Среди моряков он довольно известен.

– Ну да, теперь я вспомнил! Лутковский тоже ходатайствовал о назначении Невельского. И он и Литке вместе просили меня об этом.

Меншиков считал Лутковского честным и дельным человеком. Но просьбу Литке, своего противника, он помнил, а про рекомендацию Лутковского, которого считал порядочным, позабыл.

«И как она у меня из головы вылетела!»

– Назначить командиром строящегося брига, но без перевода в Охотскую флотилию. Понравится – пусть остается, – велел он Митяеву. – Не понравится – так сможет вернуться... Ведь там большую часть года, верно, пьянствуют и в карты играют, – пробурчал князь, расписываясь на бумагах. – Да пусть помнит, что придется делом заниматься. Это ему не *partie de plaisir* с великим князем... А как он приходится Невельскому-первому?

– *Cousin*, ваша светлость!

– А-а! – кивнул головой Меншиков.

Князь помнил, что Невельский-первый был помощником столоначальника в инспекторском департаменте. Такое родство – хорошая рекомендация.

– Никанора Невельского давно пора в столоначальники, – сказал князь.

«Николай Муравьев! Вот еще один молодой чиновничий орел взлетает! Был губернатором в Туле, воевал на Кавказе, дока в полицейских делах и просил при этом освобождения крестьян! Он Невельского раскусит, что бы тот ни задумал! Да ему, может быть, такой оригинал еще пригодится».

Меншиков решил на всякий случай поговорить о Невельском еще раз с самим великим князем, а потом с Муравьевым, о котором за последнее время тоже много разговоров.

Глава четвертая. Муравьев

Еще в бытность свою на Кавказе генерал Николай Муравьев обратил на себя внимание Николая Первого, представив на высочайшее имя записку о способах покорения горцев.

Царь всегда с большой охотой читал проекты войн, покорений и походов. Философские сочинения и современная беллетристика, особенно русская, держали его настороже. Читая их, царь чувствовал, что его пытаются поучать, равняют с другими. Между строк он часто улавливал дерзости, намеки, крамольные мысли. Читая беллетристику, написанную собственными подданными, унижаешь себя, если произведения не восхваляют государя. Значительно приятнее читать иностранных писателей, поносящих своих правителей.

Лишь читая доклады и записки, государь погружался в привычный мир, в котором был подлинным самодержцем. Тут все было ясно.

Записка была дельная. Николай знал Муравьева. Отец его, Николай Назарович, ныне покойный, был когда-то управителем «собственной его величества канцелярии». Он был автором отвергнутых в свое время проектов о широком строительстве железных дорог в России. Сын его, как видно, пошел в отца. Это человек еще молодой, но деятельный, а главное – придворного круга, окончивший Пажеский корпус, судя по всему, так же преданный царю, как и отец. В то время как из всех щелей лезли новоявленные вольнодумцы и либералы и царю много сил приходилось отдавать, чтобы собрать вокруг себя надежных людей и бороться против новых веяний, появление толкового человека в среде своих было для царя отрадно. Редко кто из окружающих царя выдавался какими-нибудь способностями. Обычно царь недолюбливал людей с широкими замыслами и терпел их лишь по необходимости. На этот раз он решил, что автора записки следует отличить. Но на Кавказе у царя и так было много генералов и чиновников.

Царь запомнил Муравьева. Впоследствии, желая дать исход его энергии, он назначил тридцатипятилетнего генерала в Тулу, в гражданскую службу.

Самый молодой губернатор России вскоре доложил ему, что принял меры к сохранению лесов. Он предлагал правительству устроить разработки залежей каменного угля между Москвой и Тулой. У царя и его приближенных, пока Муравьев занимался проблемами лесов и топлива, складывалось о нем самое хорошее мнение. Но вскоре тульский губернатор прислал новую записку.

На Кавказе генерал привык видеть русского солдата победителем. Солдат был одет, накормлен. В армии Муравьев отвык от картин деревенской жизни.

Тем разительнее бросилась в глаза губернатору ужасающая нищета тульских крепостных – тех самых крестьян, из которых выходили солдаты-победители. В своем кругу Муравьев иногда высказывал резкие суждения о порядках в России. Он сознавал, что крепостное состояние крестьян – огромное зло, угрожающее существованию всего дворянского сословия. Муравьев решил сразу убить двух зайцев. Он полагал, что, если свои взгляды прямо высказать царю, они могут быть приняты как выражение самых верноподданных чувств и как признак широты взгляда. «В то же время, – думал он, – общество, узнав об этом, увидит во мне прогрессивного деятеля».

Муравьев представил царю проект освобождения крестьян от крепостной зависимости. Кроме него проект подписало несколько помещиков, трое из которых были разорены, один был литератором, а двое – богатейшими промышленниками.

Один из подписавших, помещик Норов, откровенно признавался, что надеется сделать на основании этого проекта выгодную финансовую операцию и поправить свои пошатнувшиеся дела.

Богатые промышленники искали выгод – дешевых наемных рабочих для своих развивающихся предприятий.

Николай прочитал проект. У царя был свой взгляд на этот вопрос.

Сам царь любил поговорить об освобождении крестьян и даже создавал комитеты по этому вопросу. Но это делалось лишь для того, чтобы избежать самого освобождения и доказать обществу, что пока еще освобождение невозможно. Крестьянские восстания то и дело вспыхивали в разных губерниях. Пока что вместо освобождения то тут, то там крестьян забивали насмерть, раздавая им палочные удары тысячами, расстреливали и ссылали. Царь полагал, что со временем, быть может, и придется освободить крестьян, но сейчас это освобождение было знаменем его противников, и потому народ, полагал он, надо держать как можно дольше в крепостном состоянии. Он не желал менять порядков, мерного хода жизни, который поддерживал и укреплял двадцать с лишним лет. «После меня... пусть... если неизбежно...» Но сам он не мог изменить себе ради моды века и «подлых» сословий.

Царю было весьма неприятно, что молодой человек, которого он выдвинул и которому верил, оказался в своих взглядах близок носителям смуты и сам спешит сказать то, о чем следовало бы молчать, ожидая высочайшего решения. Николай почувствовал, что и Муравьев хватил либеральных идей.

Однако он сделал вид, что доволен Муравьевым и его проектом, и похвалил его.

– Пусть только соберет побольше помещичьих подписей под своей запиской, – велел передать ему царь, зная, что теперь ни один помещик не подпишется под таким проектом.

Тульский губернатор действовал энергично, но не мог собрать больше ни одной подписи.

Между тем Николай полагал, что такие дела нельзя оставлять безнаказанными и что Муравьева следует послать в такую губернию, где он будет далек от толков про крепостное право и от самих крепостных.

Восточной Сибири нужен был дельный губернатор. Непорядки и злоупотребления в золотой промышленности и в акцизно-откупном деле достигли огромных размеров и грозили этому богатому краю разорением.

Царь решил, что грандиозная территория Восточной Сибири – подходящее поле деятельности для Муравьева, что там с избытком уйдет вся его энергия. В Восточной Сибири нет крепостного состояния. Там новый губернатор займется рудниками, тюрьмами, каторжными работами и пусть выкажет в этих делах свои таланты! Наказывать Муравьев умел... Пусть постарается.

Решение это показалось царю остроумным. Муравьев, как бы уже униженный, несмотря на новое повышение, снова стал ему любезен. Он из либералов превращался в тюремщика, да еще в какого! Теперь в его тюрьмах и рудниках все злодеи, государственные преступники.

Выезжая в путешествие по России, царь решил сам объявить Муравьеву о новом назначении, чтобы не возбудить кривотолков.

Тульский губернатор встречал царя на одной из почтовых станций вблизи Тулы.

Когда проскакали на белых конях рослые форейторы и подкатила открытая коляска с гербами, Муравьев почувствовал то особенное волнение, которое всегда охватывало его при приближении царя. Перед ним мелькнуло знакомое лицо, и губернатору показалось, что Николай расположен к нему.

Выйдя из коляски, царь ласково заговорил с Муравьевым, проходя с ним мимо конвоя и толпы встречавших.

В доме, подготовленном для отдыха царя, в кабинете хозяина, Николай выслушал его.

– Проекты твои хороши, Муравьев, – сказал царь, сидя в кресле и закинув ногу на ногу, – но не тебе придется их осуществлять.

Рыжеватый, краснолицый Муравьев, с жаром говоривший о расширении тульских оружейных заводов, почтительно умолк.

Царь сказал ему о новом назначении. Муравьев был взволнован. Государь возвышал его. Громадный и богатейший край поступал в его ведение. Он наделялся огромной властью сибирского генерал-губернатора. В истории России не было случая, чтобы на эту должность назначен был такой молодой человек.

Муравьев ответил, что готов служить там, куда назначит его государь и где требуют этого интересы отечества.

Но он понял, что царь удаляет его из внутренних губерний, что его проекту не дано надлежащей цены и что сам он отправлен в край, где нет крепостных.

Царь стал говорить о важности правильной постановки акцизно-откупного дела в Сибири, о необходимости привести в порядок каторгу. Подробно, со знанием дела, он объяснил, какие в Сибири должны быть тюрьмы и каторжные работы, какие цепи, казематы, наказания и какие сейчас там недостатки.

Молодцевато прогуливаясь с Муравьевым по губернаторскому парку после обеда, он объяснил, почему надо усовершенствовать кандалы и как их надо надевать. Видно было, что царь любит тюремное дело и знает его не понаслышке. Он сам был автором проекта тюрьмы для декабристов, построенной в Петровском Заводе. Это была бревенчатая тюрьма без окон.

Сейчас царь был весел и подшучивал над растерявшимся Муравьевым, который из автора передовых проектов росчерком царского пера превращался в начальника многочисленных тюрем и каторжных работ.

– Чем ты смущен, Муравьев? – спросил царь насмешливо.

Муравьев овладел собой. Он готов был сразу же выдвинуть ряд новых вопросов. Он решил показать царю, что и на Востоке будет не только тюремщиком.

Как многие образованные русские люди, он и раньше интересовался Сибирью, видел в ней страну будущего, читал все, что писали о Сибири, и многое слышал от людей, побывавших там.

Отец Муравьева еще в конце прошлого столетия служил в Нерчинске, куда послан был хлебнуть настоящей службы своим суровым родителем. Много лет спустя, уже будучи при дворе, Николай Назарович, отчетливо понимая все будущее значение Сибири, настаивал на проведении железной дороги от Петербурга до Нерчинска, утверждая, что устья Невы надо связать чугунным путем с истоками восточного Амура, так же как и с истоками Дона.

Молодому Муравьеву еще из семейных разговоров знакомы были нужды Сибири и исконная мечта сибиряков о возвращении Амура. Поэтому, когда царь вечером в кабинете заговорил о недостатках русского мореплавания на Востоке, Муравьев помянул, что следует подумать об Амуре.

– С Амуром все покончено, – хмурясь, ответил царь. – Зачем нам эта река, когда положительно известно, что в устье ее могут входить только лодки. Главный пункт русского влияния на Востоке следует видеть в Камчатке. Там отличный порт. А река Амур теряется в песках, – добавил он. – Река эта бесполезна для нас.

Государя нельзя спрашивать... но Муравьев понял, что, видимо, были какие-то новые исследования, доказано еще раз, что Амур недоступен. Это в свое время особенно рьяно доказывал великий Крузенштерн.

...Осенью, оставив Тулу, Муравьев прибыл в Петербург. Гнедые кони завезли его дорожную карету под круглую арку новой гостиницы, что напротив Исаакиевского собора. Ему отвели трехкомнатный номер с окнами на площадь. В передней устроился его неизменный спутник, лакей и камердинер Михаила.

Утром из окна Муравьев увидел отражавшие солнце двойные ряды гранитных колонн нового собора, а на них тяжелые фронтоны с бронзовыми ангелами и колоннаду под куполом.

Он чувствовал себя в столице, в своем родном городе, полным энергии и смелых планов. Теперь он уже был тут не стесненным в деньгах петербуржцем, сыном разоряющегося

помещика, а наехавшим из глубины России богатым вельможей. Сибирь представлялась ему огромным полем деятельности.

«Но с проектами ныне надо действовать осторожней и осмотрительней, сообразоваться с политическими обстоятельствами».

После урока, который дал ему Николай, он решил, что необходимо сдерживаться, но для достижения своих целей в Сибири не следует останавливаться перед крутыми мерами.

Он хотел ознакомиться в Петербурге с амурским делом, но, полагая, как царь сказал, что самое важное для Сибири акциз и откупа, отложил его. «Займусь Амуром на месте», – решил он. Муравьев слышал много раз от разных людей, что Крузенштерн ошибся... Надо было узнать, были или нет новые исследования.

* * *

А по Петербургу прошел слух, что губернатором в Восточную Сибирь назначен человек смелых, прогрессивных взглядов, не побоявшийся сказать Николаю о необходимости раскрепощения крестьян.

К Муравьеву приходили студенты, молодые ученые, изобретатели, подавали проекты, предлагали свои услуги для работы в Сибири. Являлись сибиряки, ходатайствовали о развитии страны, об открытии обществ, школ, подавали доносы, жалобы на произвол и притеснения полиции, чиновников, высказывали надежды, что теперь в Сибири наступит оживление.

Никогда бы Муравьев не подумал, что так много сибиряков живет в Петербурге. Вот дошлый народ! Какое-то нашествие! Куда добрались! И многие петербуржцы-купцы торговали с Сибирью. И через Сибирь с Китаем на Кяхте. И впрямь это были не тульские помещики и крепостные. Толковали про торговлю с Америкой! Про китов и китобоев. Что Америка воевала с Мексикой и нам надо это помнить. Про Китай и духовные дела нашей миссии там. Про открытия синологов. Боже мой! Век проживя в Туле или на Кавказе, ничего подобного не услышишь.

А петербуржцы припугивали – гляди, брат Николенька, ваше превосходительство, ведь там сосланные за двадцать пятое декабря, там Трубецкой. Еще, говорят, сидят такие злодеи, про которых все забыли. Похуже декабристов...

Некоторые сибиряки, кажется, не верили, что новый губернатор может отступить от старых порядков, но все же шли к нему.

Да, множество сибиряков живет или учится в Петербурге. В этом видно стремление сибирского населения к развитию, к знаниям.

Но не одни сибиряки интересовались судьбами Сибири. Муравьев, готовясь к исполнению новой должности, встречался и с другими знатоками этой страны – географами, полярными путешественниками. Никогда прежде не приходилось ему замечать такого коренного и разностороннего интереса к Сибири в петербургском обществе.

Муравьев всех слушал, все запоминал. Он внимательно следил за упоминаниями о Сибири в печати.

Передовые русские люди смотрели на эту огромную холодную землю как на страну будущего, в которой нет и никогда не было крепостного состояния.

И все, кто говорил, писал и думал о Сибири, утверждали, что России необходимо стать твердой ногой на Тихом океане.

Глава пятая. Встреча в гостинице

Муравьев познакомился в Петербурге с лейтенантом Геннадием Невельским... решил, что Невельской и есть тот человек, который был ему нужен...

Лависс и Рамбо. История XIX века

Капитан-лейтенант Балтийского военного флота Геннадий Невельской... Назначен на транспорт, который строится в Финляндии, на верфях Бергстрема и Сулемана, и должен следовать кругосветным путем, чтобы доставить грузы в Петропавловск-на-Камчатке...

– Как командир транспорта, следующего в порты Восточной Сибири, по рекомендации начальника Главного морского штаба явился представиться вашему превосходительству!

Невельской некоторое время приглядывался к Муравьеву, обмениваясь с ним короткими замечаниями. Когда же этот моряк разговорился, Муравьев понял, что он желал бы исследовать на своем транспорте устье Амура, но, кажется, скрывает свое намерение от начальства. Нюхом генерал чуял, что у Невельского должна быть сильная рука... Кто? Он говорил с чувством, но сбивчиво и то, что обычно говорили про Амур: что, возвратив эту реку, Россия получит удобный путь к Тихому океану, средство к верному и быстрому снабжению Камчатки и Аляски и тогда мы сможем создать океанский флот; что Сибирь со временем заселится и разовьется, на устье Амура и на побережье возникнут русские города; что в будущем Китай получит развитие и эта ныне безгласная империя превратится в одно из значительных государств мира, а надлежащий выход в океан поможет нам завязать настоящие отношения как с соседними портами Китая, так и с портами других народов Востока, а также с Соединенными Штатами. Без Амура у Сибири нет будущего. Если же Амур захватят англичане, они со временем попытаются превратить Китай в свою колонию и надолго вобьют клин между нами и этой великой нацией. Постепенно он увлекся и заговорил ровней и реже заикался.

Невельской помянул об американцах:

– Они всюду на Восточном океане и в наших морях. Охотское море во множестве посещается их китобоями. После войны с Мексикой давление американцев на Китай усилится, и это мы должны предвидеть. В Китае они успешно соперничают с англичанами, стараясь действовать совершенно иными средствами и расположить народ к себе.

Муравьев приглядывался к Невельскому с любопытством. Соображение об американцах, которых обычно считали миролюбивыми и в которых этот капитан видел возникающую опасность, было оригинально и понравилось ему. Действительно, американцы выходили на Тихий океан. «Да такая громадина разовьется – со временем бог весть что будет. У них там демократия и быстрота – time is money».

«Но кто ему покровительствует? Почему-то он как бы просит не открывать его намерений князю Меншикову. Чья рука ему помогает?»

Эта же рука нужна была самому Муравьеву до зарезу. В нем вспыхнул бешеный интерес к Амуру, интерес, временно заглушенный изучением акцизного и откупного дела. Муравьев хотел знать все, а этот моряк, кажется, и знал все. Экий молодчина! А говорят, в офицерстве нет личностей!

– Вы полагаете, что, возвращая Амур, мы предотвратим многие беды?

– Я убежден в этом!

– Но, как утверждают, в устье Амура могут входить лишь пироги и шлюпки, – испытующе заметил Муравьев. – Ведь Лаперуз, насколько я знаю, пытался с юга пройти в устье Амура, нашел перешеек между Сахалином и материком и установил, что Сахалин – полуостров. А Крузенштерн встретил мели, преграждающие доступ в лиман.

Тут Невельской вздрогнул, приоткрыл было рот, но сдержался.

– Общее мнение таково, что Амур теряется в песках, – добавил Муравьев и умолк, любезно улыбнувшись и предоставляя собеседнику высказаться. Он умел быть вежлив и любезен и любил это показать.

– Амур не может теряться в песках! – воскликнул Невельской со всем жаром сдерживаемой энергии. – Огромная река, несущая такую массу воды, должна иметь выход. Да, вы правы, конечно, – Лаперуз утверждает, что Амур теряется в песках. Но и Лаперуз, и Браутон, и наш Крузенштерн сами не входили в его устье и могли допускать общую ошибку. Даже если Сахалин соединяется с материковым берегом отмелью, как утверждает Иван Федорович Крузенштерн и как значится на всех картах, то как раз это и доказывает, что у Амура должен существовать другой – глубокий выход на севере!

«Э-э, да он горяч! – подумал Муравьев, слушая с видом явного сочувствия. – Но все никак не проговорится».

– Да это очевидно! – сказал Муравьев, словно после некоторого размышления, стараясь еще более подогреть собеседника.

– На самом деле – что же это за река, которая вдруг высыхает на устьях? – подхватил Невельской.

Все, что говорил моряк, походило на истину. Словно сама судьба выбросила Муравьеву этого капитана из недр громадного бурлящего Петербурга.

– Да, Амур был бы нам необходим! – нетерпеливо воскликнул Муравьев.

Невельской разволновался и, поднявшись, стал красноречиво уверять, что потеря Амура равносильна для России отказу от великого будущего.

– Амур – единственная река, текущая из Сибири в Тихий океан, – говорил он. – Близ устья Амура прекрасные гавани. Это неотъемлемая часть Сибири, ее естественный берег, земли по Амуру – исконные русские: там стояли русские города и крепости, – и эта земля должна быть возвращена России.

Стемнело. Михаила зажег свечи.

– Что же надо делать? – спросил Муравьев.

– Хлопотать о высочайшем разрешении на исследование Амура, – быстро ответил Невельской. Он поднял голову, взгляд его стал еще острее, в нем заиграли огоньки. – Необходимо убедить государя императора, что в противном случае река будет захвачена иностранцами. Доводов для этого множество.

«Каков! – подумал Муравьев. – Только бы все это не на словах...»

– Если меры не будут приняты, нам грозит опасность! Никто не замечает этого, и в этом весь ужас!

– Да, это действительно! – сказал Муравьев. Им овладело такое чувство, словно его подняли на огромную высоту и он увидел все вокруг.

– Почему бы англичанам не попытаться овладеть водными путями по Амуру и Сунгари, ведущими в глубь Северного Китая? Тогда раз и навсегда они отделят Китай от России и захватят его целиком. Земли же по Амуру – коренные русские. Мы не смеем бездействовать, когда им грозит опасность. Если же мы будем в Приамурье, то одним этим мы откроем свободную торговлю с Китаем, а захват его англичанами окажется невозможным.

Но губернатору этого мало... «Ах, вот кто! Его высочество! Ясно! Это стало ясно. Невельской сказал, что был его вахтенным начальником. Это уж другое дело!» А молодой офицер стал один за другим, как бы систематизируя, перечислять доводы, которые надо выставить перед царем. Свое, накопленное годами раздумий, он отдавал, зная, что часто нельзя претворить мысли в дело иначе, как отдавши их тому, у кого была власть. Без царя нельзя было ступить шагу, а губернатор мог испросить позволение.

Муравьев вскочил и заходил по комнате. Теперь он понимал ценность этих мыслей: «Мне их на целое губернаторство!» Он знал, что в его руки сейчас шло богатство.

Невельской сам невольно взволновался, наблюдая действие, которое его слова производили на губернатора.

Муравьев остановился напротив него и уставился, изогнув брови и чуть прищулив один глаз.

– Какие у вас основания, чтобы немедленно возбудить этот вопрос перед правительством и государем?

– Прежде всего, – быстро и жестко ответил офицер, – что Амур принадлежал нам и был отнят силой. Во-вторых, Амур необходим как выход, в будущем мы без него не можем существовать. И третье – опасность от иностранцев, и мы лишаемся всего!

Муравьев кивнул головой. Он спросил, кто появился на Амуре раньше, русские или маньчжуры.

– В тысяча шестьсот сорок третьем году, когда Поярков, перевалив хребты, из бассейна Лены спустился до Амура, он проплыл всю реку, подчинил племена дауров, натков, гиляков. В то время на Амуре не было никаких маньчжуров.

«Вряд ли, – подумал Муравьев. – Верно, какое-то влияние имели. Какие-то сношения могли быть, во всяком случае, как у нас с Парижем или с Лондоном. Дамы моды заказывали...»

– Маньчжуры создали самостоятельное сильное государство и в начале века завоевали Китай. Маньчжуры никогда не жили на Амуре.

– Что общего у маньчжуров с китайцами?

– Это разные народы. У них разная письменность и разные языки. Собственно, исторический Китай находился далеко от Амура и был обнесен Великой стеной, что общеизвестно. Конечно, все страны Азии периодами были в общении с Китаем. Завоевали Китай монголы, и тогда чуть не весь мир подчинялся монголам в Пекине. До северных областей на Амуре не только китайцам, но даже маньчжурам дела не было. Для русских там благодатный край, а китайцы и маньчжуры – южные народы. На Амуре обитали и сейчас обитают охотничьи народы... Так маньчжурам там делать было нечего. Они стремились на юг и, завоевав Китай, объединили Китай с Маньчжурией... Все маньчжуры хлынули в Китай за роскошью и наслаждениями, а на Амуре маньчжуров не было. Не было их там и в тысяча шестьсот пятидесятом году, когда на Амур с людьми явился Хабаров, а потом хлынуло из Сибири множество переселенцев, которые селились там всюду, возводя городки, острожки и заимки. На Амуре теплей, чем в Сибири, легче жить. – Он опять загорелся и стал рассказывать: – Почти все население Лены, до Верхоленьска, перешло на Амур, якутским воеводам приходилось принимать меры против переселенцев. Там была Россия! В большей степени, чем в Якутии, – на Амуре климат хорош, земля. И вот когда Амур заселился русскими, только тогда поднялись маньчжурские князьки! Любопытно, что сухопутные дороги на Амур маньчжурам оказались неизвестны. Посланные князем Изинеем из Нингуты две тысячи солдат, которые должны были разбить Ачанский городок, поставленный Хабаровым близ устья Уссури, шли на Амур три месяца! Отсюда можно заключить, что туда дорог не было. И в этом суть вопроса больше, чем в договорах. Маньчжуры едва смогли провезти пушки и двенадцать своих орудий из глины...

– Орудия из глины?

– Да, орудия из глины, для подрывания стен...

– А что же Хабаров? – отвлекаясь от дела, спросил Муравьев, увлеченный рассказом офицера.

– Хабаров дал этому войску несколько сражений. Шестьсот семьдесят маньчжуров было убито, остальные бежали, – сказал Невельской. – Я сам читал его записки в архиве!

Муравьев опять заходил по комнате. Невельской замолчал, наблюдая за ним.

– Что же дальше? – спросил губернатор, останавливаясь.

– В тысяча шестьсот восемьдесят первом году вся река принадлежала России, – ответил Невельской. – Главным нашим пунктом там был город Албазин.

– А потом? Как, почему все это рухнуло?

– Император Кхан Си в тысяча шестьсот восемьдесят седьмом году послал восемь тысяч солдат, чтобы уничтожить Албазин.

– Кхан Си? – переспросил Муравьев.

– Да, Кхан Си. Это было время могущества маньчжуров, которые незадолго перед этим покорили Китай. Они не желали, чтобы русские угрожали родине их предков. Но мало этого. Они желали, чтобы великие леса и хребты отделили бы их империю, поработенный ими Китай от опасного мира северных варваров. Началась война. Маньчжуры были многократно отбиты, но и наши потери были велики. Помощь из Москвы хотя и посылали, но недостаточную. Албазин решили оставить и упразднить амурское воеводство... Вот с тех пор страна замерла и опустела. Мы ошибочно не считаем ее своей. Сведения, доставленные подполковником Прокопием Тарасовичем Козминым, и последние исследования, произведенные академиком Миддендорфом, который приближался к устью Амура, подтверждают, что Приамурье не занято китайцами и что наш почтенный Иакинф глубоко ошибается, утверждая, что на устье реки крепость. Об этом же неоднократно докладывали сибирские губернаторы, а также купцы и мещане – их доклады и записки хранятся в архивах. Китай весьма выгодно расположен на побережье океана, у него великолепные порты, удобные выходы к океану. Собственно, китайцам до сих пор чужды интересы к Амуру. Если кто-нибудь и старается, чтобы там была пустыня, так это маньчжуры. Но ради их спокойствия мы не смеем отказаться от пути к Великому океану.

– Я согласен, что у нас есть историческое право на возвращение Амура, но какое мы имеем на это право юридическое? Ваши доводы основательны, и я сам так думал. Никто не может сомневаться, что Приамурье – русская земля. Но донесения губернаторов Сибири и записки сибирских мещан – это еще не все. Ведь есть Нерчинский договор с Китаем, и потом та земля значится в составе Китайской империи. Иначе говоря, признано, что там Китай. Где наше право? Есть ли доказательства?

– Есть.

– Какие?

– Нерчинский договор, – спокойно ответил Невельской с таким видом, словно это само собой разумелось.

Муравьев удивился. Как и все, он до сих пор считал, что Нерчинский договор – главная помеха делу и как раз доказывает обратное тому, что говорит моряк.

Невельской в течение многих лет разыскивал и изучал все, что было написано об Амуре русскими и иностранными исследователями, знал он и те сведения по этим вопросам, которые проникали в европейскую литературу из китайских и из японских источников, хотя обычно в Европе их считали анекдотическими и не заслуживающими внимания. Он интересовался международным правом.

Этот интерес особенно усилился у него во время путешествий с великим князем по Европе, когда он бывал в столицах иностранных государств и во дворцах, присутствовал при встречах великого князя с королями, принцами...

Он сказал, что самые нужные сведения о Приамурье, об Амуре он получил в Петербурге от своих учителей, старых моряков, а также от одного из приятелей, который служит в министерстве иностранных дел хранителем документов, интересуется Востоком, изучает восточные языки и, разделяя взгляды Невельского, охотно помогает и показывает не известные ученым бумаги, которых в министерстве множество.

Нерчинский договор утверждает, что земли между рекой Удой и пограничными горами остаются неразграниченными. Вот вам повод для возвращения в первую очередь низовьев реки, как раз той земли, которая лежит у моря и может стать объектом происков иностран-

цев... Согласно договору граница проложена по хребту, а направления хребта ни русские, ни маньчжурские послы не знали.

Пот выступил на лице моряка. Он наизусть пересказал все статьи Нерчинского договора и разобрал их.

Муравьев был удивлен такой ученостью. Невельской не подходил под обычное понятие офицера, да еще гвардейского экипажа. Муравьев почувствовал, что в этом светском на вид гвардейце таятся силы, энергия и выносливость.

– Могут ли быть верны карты, когда в договоре ясно сказано, что часть земель не разграничена? А на современных картах никаких неразграниченных земель нет и проложена прямая граница от гор к морю. Кто ее проложил? Когда? Никаких комиссий по разграничению не бывало, как не бывало вообще заключено никогда и никаких соглашений по этому вопросу, кроме Нерчинского договора. Кто же провел там границу? Откуда же она явилась теперь? Впервые граница появилась на английских и французских картах, а мы перепечатали их, не сознавая, что делаем.

– Есть эти карты у вас?

– Да...

– Представьте их мне...

Невельской давно все приготовил. Со всех документов были сняты копии. Он ответил, что архивариус министерства иностранных дел явится сам и представит бумаги его превосходительству.

– Только исследовав устье Амура и установив независимость обитающих на нем племен, – как утверждает академик Миддендорф, – мы можем опровергнуть ложное мнение...

– А вы уверены во всем этом? – испытующе глядя на офицера, спросил Муравьев.

– Совершенно уверен, ваше превосходительство!

– А как китайские карты, про которые сообщает Иакинф?

– Иакинф? – переспросил капитан, поднимая брови, и сощурился, как бы намереваясь сказать что-то резкое. – Его карты не могут быть приняты в расчет, – вымолвил он спокойно. – Иакинф увлечен всем китайским и верит всем басням, их официальной географии. Точных научных сведений эти карты не содержат. В них включены все ошибки европейских карт и все фантазии китайских мандаринов, будто бы на устье Амура крепость и десять тысяч войска.

– Черт знает какая путаница! – воскликнул губернатор.

Что земли там пустынные, Муравьев слышал и прежде; что их могло захватить любое иностранное государство, это также очевидно... Что земля там была русская, сомнений не было.

– В настоящее время в Финляндии строится судно, капитаном которого я назначен. Этот транспорт – «Байкал».

Капитан стал излагать план исследований лимана и устьев реки Амура. Этот план не требовал особых средств. Будущим летом, одновременно с морской экспедицией, к Амуру надо послать сухопутную экспедицию, которая выяснила бы ряд вопросов, в том числе пограничный, и произвела бы съемку, определила направление хребтов, и еще экспедицию по реке, которая сплавилась бы вниз по Амуру до моря на лодке из Забайкалья.

– В эту экспедицию должен входить военный топограф, а также ученые, изучающие Восток.

Все это было заманчиво.

– Я рекомендую вам человека, который отдал всю свою жизнь изучению Востока. Он может быть полезен вашему превосходительству.

– Он моряк?

– Он бывший морской офицер, ныне служит архивариусом в министерстве иностранных дел, надворный советник Баласогло. У него познания ученого. Я говорил о нем вашему превосходительству.

– Он не русский?

– Его предки – турецкие греки, но мать коренная русская. Прежде он служил на Черноморском флоте и отличился в боях.

Разговор снова вернулся к морским проблемам и к морской экспедиции. Муравьев спросил капитана, почему он хочет начать исследования с Сахалина.

– Утверждают, что Сахалин полуостров, но мнение это основано на предположении.

– Вы полагаете, что между Сахалином и материком есть пролив?

– Это вполне возможно. Кроме того, Иван Федорович Крузенштерн не раз говорил нам в корпусе, что один из рукавов Амура может впадать в океан на восточном берегу Сахалина.

– Какие же у нас права на Сахалин?

– На Сахалине поставлена русская охрана. Я найду этих матросов или их следы, если они погибли.

Муравьев пристально посмотрел на Невельского, как бы сомневаясь, в своем ли он уме.

– Что за охрана? – спросил он с недоумением.

– Лейтенанты Хвостов и Давыдов в тысяча восемьсот пятом году оставили отряд матросов на южном берегу Сахалина и вручили ему объявление на русском, английском и французском языках о принадлежности Сахалина России.

– А какова же судьба оставленных матросов?

– Судьба их неизвестна.

– Откуда у вас эти сведения? – воскликнул Муравьев.

«Не служи Невельской на корабле с великим князем, ей-богу, подумал бы, что сумасшедший».

– Сведения о десанте на Сахалине – от морских офицеров, моих старших товарищей, которые сами слыхали рассказ об этом от Хвостова и Давыдова. Оба лейтенанта вернулись в Петербург, торопились на бал и, прыгая при разводе мостов, утонули в Неве. С ними погибли все сведения. Про десант забыли.

– Неужели про десант забыли? Оставить отряд матросов и забыть про него! Когда это было?

– Сорок два года назад...

– Переверну небо и землю, – сказал Муравьев, – но добьюсь для вас разрешения на исследования! Вы получите позволение.

Муравьев подумал: главный довод – Амур был наш. И он должен быть нашим. Он отнят у нас силой.

Невельской поздно вышел из гостиницы. На улице ударил мороз. Во мгле, отражая редкие ночные огни, чуть светилась гранитная громада Исаакия.

«Неужели я не сплю? Неужели все правда, что говорили про Муравьева? Он – благородный человек! Кажется, на самом деле я у истока дела...»

Невельскому хотелось поделиться своей радостью. Он решил сегодня же написать письмо матери в Кинешму, рассказав ей, сколь было возможно, свои новости: что назначен капитаном корабля и наконец идет в кругосветное за осуществлением своей мечты, о которой он и прежде говорил ей.

Глава шестая. В главном морском штабе

На другой день после беседы с генерал-губернатором пролетка капитана остановилась у подъезда Адмиралтейства. Крылья громадного здания тонули в густых клубах морского тумана. Видна была лишь желтая сырая стена с низкими тяжелыми дверями.

Невельской вошел в одну из них и поднялся в приемную князя Меншикова. Теперь он решил во всем открыться и поговорить откровенно. Он чувствовал за собой реальную поддержку Муравьева, который, как видно, готов действовать и не косвенно, а прямо добиваться разрешения на исследование Амура.

Невельскому представлялось, что и князь Меншиков не будет против, что это и в его интересах.

В приемной висели картины, изображающие морские сражения, и портреты великих мореплавателей, стояли серебряные и бронзовые модели судов с позолоченными парусами. Эти маленькие металлические корабли должны были напоминать посетителю приемной, какой огромный флот, плавающий во всех морях, во власти князя.

Несмотря на ранний час, в кабинете, за большим столом, под портретом государя в морской форме, сидел Меншиков, прямой и рослый, с густыми седыми волосами и с крупным лицом. Сегодня он казался особенно важным и строгим. Он смотрел на Невельского исподлобья, словно дул в усы. На этот раз, сидя перед князем, Невельской признался ему во всех своих замыслах.

Он сказал, что на Восточном океане наступает оживление, что флоты иностранных китобоев проникают в Охотское море и грабят русские богатства, что американцы, захватившие Калифорнию с ее великолепной бухтой у Сан-Франциско, строят порты на побережье и что теперь нам пора вернуть Амур, а для этого необходимо исследовать его.

Он попросил позволения изложить свой план исследования устьев этой реки.

«Вот из-за чего он так упрямствовал», – подумал Меншиков.

Князь терпеливо выслушал моряка. Временами что-то похожее на интерес мелькало во взоре князя, но тотчас же выражение неудовольствия вновь овладевало его тяжелым лицом.

«Не успевши еще палец о палец ударить, он мечтает о великих открытиях! – подумал князь. – А ну, – скажем ему, – господин капитан-лейтенант, за дело! Мы назначили вас не открытиями заниматься, а везти груз на Камчатку, делать черное дело, так извольте... Ученые замыслы! Литке! Константи́н! А там народ мри с голоду!»

Великий князь открыл на днях причины своего неудовольствия. Ему не нравится новая яхта, и он просит заказать другую в Англии.

Теперь капитан-лейтенанта можно поучить.

– То, что вы говорите, хорошо! – пробубнил князь в усы и, помолчав, добавил строго: – Но надо позаботиться о грузах, которых ожидают на Камчатке и в Охотском порту с большим нетерпением. Транспорт еще не спущен на воду, а вы обольщаетесь надеждами и строите обширные планы. Дай бог, – продолжал он, – чтобы вы попали на Камчатку поздней осенью сорок девятого года. А вам оттуда еще в Охотск надо идти. В Охотском и Петропавловском портах люди голодают, нет муки, амуниции. Туда мы посылаем пушки, порох. Сумма денег ассигнована на плаванье транспорта на один год. Раньше чем за год еще ни один корабль не проходил из Кронштадта в Петропавловск. Какие же тут исследования? Кто же будет испрашивать специальные средства?

Невельской пытался возражать, сказал, что можно обойтись без особых средств, – он и это предвидел, – но Меншиков не стал слушать.

– Прежде всего вы должны исполнить свои обязанности. Позаботьтесь, чтобы транспорт доставил все грузы вовремя. У вас еще нет судна. Да и об Амуре есть сведения, которые опро-

вергают ваше мнение. А главное, – эти слова он произнес со значением, как бы показывая Невельскому, что знает еще что-то, о чем не хочет или не имеет права говорить, – есть особый взгляд на этот вопрос.

Невельской не придавал значения подобным намекам, которые приходилось ему слышать всегда. Он был уверен, что ни у Меншикова, ни у других министров нет никаких сведений, что все их убеждения основаны на пустых вымыслах и донесениях полуграмотных чиновников, а также на страхе перед всем новым.

– Устья Амура заперты непроходимыми мелями, – продолжал Меншиков. – Да, кроме того, возбуждение вопроса об описи Амура повлечет переписку с графом Нессельроде, – добавил он, видя, что офицер все еще упорствует. – А у Нессельроде свое мнение на этот счет.

– Но это мнение ошибочно, ваша светлость!

– Ну вот, поди потолкуй с Нессельроде, – хладнокровно ответил Меншиков.

«Какая чушь! – подумал Невельской. – Рассуждают как богаделки, а не как первые лица империи».

Меншиков смягчился. Он решил все объяснить этому офицеру.

– Если испрашивать средства на исследование, то министра иностранных дел обойти нельзя, он должен просить разрешения государя, а Нессельроде никогда на такую опись не согласится.

Невельской хотел возразить, что можно устье реки Амура исследовать совсем без ведома Нессельроде, как бы случайно при описи берегов Охотского моря, но смолчал, полагая, что не следует заходить далеко.

Дальше пошел разговор о постройке судна.

Покинув кабинет князя, Невельской не поколебался в намерении убедить князя в необходимости исследования Амура. Ему казалось, что Меншиков хотя и уверял, что это бесполезно, но сам-то он не может не желать исследований устьев Амура. Он, верно, и противится только из-за того, что после кругосветного путешествия не останется времени, а испрашивать на это особых средств не хочет из-за размолвки с министром иностранных дел Нессельроде, с которым Меншиков, как все знали, был не в ладах. К тому же Невельской прекрасно понимал позицию князя – очень похоже было, что втайне князь сочувствует. «Конечно, он должен требовать с меня доставки грузов. Он прав». Невельской решил отложить эту беседу и больше не являться в Главный морской штаб с пустыми руками и с фантазиями.

Он спустился в кораблестроительную часть, где его, как командира строящегося судна, ждали дела. Закончив их, Невельской выехал в гавань.

Когда пролетка, гремя по обмерзшим камням набережной, проезжала мимо памятника Петру, во мгле над крышами стояло красное низкое солнце, и Невельской невольно вспомнил, как еще в детстве узнал мысли Петра о важном значении реки Амура для России, как потом увлекся историей, добыл записки первых русских завоевателей Сибири, описание подвигов Хабарова и войны на Амуре, как постепенно возникала в его уме картина русской жизни в Приамурье два века тому назад.

Вспомнил он, как мальчиком стоял на террасе со старой подзорной трубой в руках и, глядя на костромские леса, воображал себя на капитанском мостике у африканских берегов, как впервые увидел он Волгу и как затрепетало его сердце, когда на реке шла простая барка с парусом...

И дальше – Петербург, корпус, мечты, мечты у карты, у атласа, чтение, разговоры с товарищами, годы надежд и ожиданий. Мысли возвращались к Амуру. Памятник Петру был высеченным из камня напоминанием о том, что на Востоке для России нужно прорубить окно в мир, к Великому океану.

Возница свернул мимо Сената. Желтых стен морских канцелярий Адмиралтейства теперь не стало видно за площадью, залитой туманом, из которого кое-где проступали чер-

ные, голые деревья. Над ними на огромной высоте сверкнула огненная трещина. Это на солнце сквозь мглу проступил и зазолотился шпиль Адмиралтейства.

Глава седьмая. Мечты

На юте «Авроры» – адмирал Литке и капитан Мофет. Оба в клеенчатых плащах и фуражках. Тут же рулевой матрос, большой, безмолвный и послушный, как часть штурвала.

Сумерки. Низкое мохнатое небо. Серое небо, черно-серое море, слабый дождь. Мерные удары тяжелых волн через равные промежутки времени.

Этот дождь и противный курсу ветер продолжают неделю.

Рядом с адмиралом стоит высокий светлый мальчик лет пятнадцати. Он одет в матросский бушлат и парусиновые штаны.

Мерное покачивание судна. Редко-редко море выбросит на палубу тяжелую волну.

Адмирал и капитан в высоких капюшонах, и светлый мальчик-матрос, и огромный рулевой выглядели в этот ровный шторм как рыцари в осажденном замке.

Быстро подходит молодой лейтенант. Он откуда-то из серой мглы, оттуда, где бак, где впередсмотрящий, где делают промеры, где матросы прячутся от ветра, или что-то ворочают, связывают, плетут, или чистят, или курят, прижавшись плечом к товарищу. Где смола и бухты канатов, где кнехты, где люди, привычные к этому серому морю. Там все время идет какая-то мерная и почти невидимая работа, похожая на возню, и кажется, что эти люди, как рабы, тащат на себе судно, а не высокие и торжественные паруса, распустившиеся, как облака, над палубой.

– Виден датский берег! – говорит лейтенант, обращаясь к капитану и адмиралу.

Капитан молчит.

– Близок датский берег, ваше высочество! – назидательно и с почтением говорит усатый рыцарь-адмирал, обращаясь к мальчику.

– Прекрасно, Федор Петрович! – раздается в ответ. Его высочеству скучно. Датский берег – это все-таки что-то новое. Шведский берег давно надоел. Мальчик переводит взор на лейтенанта с надеждой, не скажет ли Геннадий Иванович еще что-нибудь интересное. Но Геннадий Иванович занят чем-то; не до того...

Адмирал дает мальчику подзорную трубу. Константин смотрит, улыбается. Он смотрит долго, словно хочет рассмотреть, найти на серой полоске Копенгаген или Эльсинор... Но нет ни столицы, ни замка Гамлета. Он проводит трубой по горизонту, поворачивается лицом к корме, смотрит туда, где на востоке волны и тьма слились, потом для развлечения наводит подзорную трубу прямо на борт, на снасти, себе на растопыренные пальцы.

А рыцари в капюшонах все так же холодно и непоколебимо глядят вперед, лицами на ветер.

– Будем рифить, Федор Петрович, – говорит высокий, худой капитан.

– Да, ветер крепчает.

– В Зунд не пойдем! Надо уходить в море.

Серое море, кажется, разразится сегодня ночью бурей.

– Лево руля! – приказывает капитан.

Матрос-громадина и огромный штурвал заработали, застучал трос под палубой. Волна ударила в борт, судно накренилось.

– Лейтенант Невельской! – торжественно, словно такое приказание не отдается по многу раз ежедневно, говорит рыцарь-капитан. – Поднять подвахтенных!..

И вот затопали намокшие сапоги вахтенных, соскакивают с коек и бегут наверх подвахтенные.

– Ваше высочество! – вытягиваясь, обращается Невельской к мальчику. Тот отдает трубу рыцарю-адмиралу и вытягивает руки по швам.

– Пошел все наверх! – приказывает лейтенант. И мальчик с удовольствием, как в забавной игре, кидается во мглу, подчиняясь этому грубому окрику.

Он подбегает к грот-мачте. Сюда же подходит лейтенант – он как дрессировщик, у которого в руке кнут. Он смотрит жестко и требовательно. Матрос, один из многих, такой же, как все на этом корабле, куда отобраны из всего флота самые лучшие и сильные, быстро привязывает конец от своего пояса к поясу великого князя.

– Пшел рифить грот! – приказывает лейтенант.

И матрос с мальчиком быстро, как кошки, бегут вверх, к серым тучам. Стоя на канате, навалясь животом на рею, с подспинником, мальчик работает наверху.

Холодные взоры рыцарей стали теплей и человечней. Они тоже устремлены на грот-мачту, как и взоры лейтенанта и боцмана. А люди там, как и на фок-мачте и на бизани, разбежались, работают, теперь их видно всех, всех, кто не закрыт парусами.

А море начинает сердиться. Слышится временами глухой грохот.

...А иногда бывало, что его высочество закапризничает: «У меня болит голова, Геннадий Иванович, я не пойду сегодня на вахту! Да, да... пожалуйста... пришлите мне доктора... Я уже говорил Федору Петровичу на занятиях, что мне с утра нездоровится...»

И его высочеству разрешали оставаться в каюте, когда на судне начиналась беготня. Приходил холодный рыцарь-доктор. Мальчик показывал язык... А уходил доктор, и он метался по каюте, ему хотелось читать, но нечего читать, все книги надоели... Писать дневник? Его дневник контролируется учителем. И мальчик кидался лицом в подушку. Геннадий Иванович сменялся с вахты, приходил.

– Войдите! – отвечал на стук Константин. Он всех знал по стуку.

– У меня нет детства! У меня нет детства! Господи! За что это? – истерически кричал мальчик. Потом успокаивался. Лейтенант, как нянька, начинал ему рассказывать разные морские истории.

Но мальчик креп, мужал. Его приучали к морю, обучали и развлекали, как только возможно. И воспитывали волю, характер. Так желал государь.

Одно из плаваний закончилось в Архангельске. Судно встало на зиму в затон, а Федор Петрович Литке поехал с Константином в Петербург санным путем.

В следующую навигацию, в 1845 году, на другом судне, но с теми же учителями, наставниками и с бессменным вахтенным начальником Константин шел по Балтийскому морю. И он все еще не мог забыть, как в одной из деревень зимой пришел к нему оборванный мальчик-крепостной его же возраста, такой же высокий, светловолосый, но с глубоко запавшими, полными тоски глазами. Помещик заporол его отца и постоянно приказывал избивать мальчика. Он знал, что барин хочет извести его, всю семью. Мальчик просил спасти его.

Константин вспыхнул: проступил характер, пылкий, властный.

– Я возьму этого мальчика с собой! Он будет мой! – заявил он наставнику.

Рыцарь-адмирал ответил твердо, что это невозможно. Существует право помещика. Отец крепостного – преступник. Он совершил преступление против помещика. За это наказан. Мальчик – собственность помещика. Государство охраняет право помещика. Его высочество не должен ради чувства жалости нарушать закон.

...Константин разрыдался и долго не мог забыть этого... Даже летом следующей навигации рассказывал своему лейтенанту.

Однажды опять шли в Зунде и в кают-компании говорили о том, что мы закрыты в Балтийском море, что англичане получили теперь у датчан права держать свой флот в их гаванях. Это угроза нам...

– Что же делать? – спрашивал Константин, который всегда желал, чтобы скорей все закончилось благополучно или подсказано было верное решение.

И вот тут моряки разговорились, каждый советовал свое. Адмирал Литке, капитан Лутковский, офицеры. Помянули о том, что наше будущее – на Тихом океане. Все перебивали друг друга. Константин слушал и восклицал: «Как это интересно!» И задавал вопросы.

Горели свечи. Опять серый вечер, серые тучи и серые волны на сером море, и наступила ненастная ночь с дождем, и шли там, где замок датского короля, где шведский и датский берега сблизились, и все говорили, что в Зунде стоят английские военные корабли, и что Зунд простреливается их пушками, и что нам нужны океаны, мы большая страна... Литке плавал на Тихом океане, бывал на Камчатке. И он рассказывал о Тихом океане в этот вечер...

Лейтенант Невельской ерзал на стуле, прихлебывал чай и опять ерзал, видно, сам кипел как самовар.

Его высочество устал и ушел спать. Вскоре Невельской исчез. Адмирал, капитан и офицеры задержались.

Серая небрежная погода давала возможность немного отдохнуть, пить горячий чай, сидеть при свете свечей в уютной кают-компании.

У крытого трапа, ведущего в матросскую жилую палубу, у орудия, за гальюном, под ветром, наклонив друг к другу лица, разговаривали Невельской и Константин.

– Все, все, о чем толкует наш достопочтенный Федор Петрович: наша прекрасная, чудесная Камчатка с гаванями, которые европейцам и во сне не снились, и все чудеса Тихого океана, до которых нам рукой подать от наших тихоокеанских берегов, и сама Аляска, и сами плаванья по Великому океану, – все пока закрыто для нас!

– Зундом? – спрашивал Константин.

– Глупостью, ваше высочество! Глупостью приказных бюрократов! Современные приказные бюрократы оправдывают московских приказных бюрократов семнадцатого века и говорят, что тогда еще не настало время нам владеть Амуром. И что мы, мол, не могли защитить Амура и это, мол, историей объяснимо. Им и теперь дела мало, что Амур – путь к океану. Тихоокеанские гавани – чудо... И враг нам не англичане, а московские и петербургские бюрократы, обжоры, ненасытные сластолюбцы...

Про Тихий океан все больше писали. Литке и капитан, у которых обучался Константин, как и Геннадий Иванович, постоянно говорили о нем. И так интересно сообщали про разные страны на том океане заграничные газеты...

«Чем же мы хуже?» – думал Константин.

– Сегодня поразительный день!

– Надо спать, ваше высочество, – наконец говорит Невельской.

– Не хочется вставать на собачью вахту... Но я привык? Правда?

– Да, ваше высочество...

Константин еще не уходит.

– Геннадий Иванович!

– Что, ваше высочество?

– Я вас прошу... Очень... Вы не откажете?

– В чем, ваше высочество?

– Дайте честное слово...

– Зачем же... Я и так...

– Геннадий Иванович, дайте затянуться... Из вашей трубки... Вы постоит тут... Закройте меня...

Невельской вспомнил рассказ про крепостного мальчика, слезы в каюте, жалобы, что нет детства... «Боже мой! Конечно, у него нет никакой отрады и даже покурить нельзя... А юнги у нас покуривают потихоньку, и он, видно, приметил...»

Невельской быстро вытер трубку.

– Ну вот... вот и все... Еще раз... Спасибо... Или нет. Нет, дайте, дайте мне еще раз затянуться... Спасибо... Благодарю вас!

И счастливый великий князь, подпрыгивая, несется спать по офицерскому трапу. При всех науках, которым он обучен, при всех великих проблемах, которые он должен решить, его давно занимала своя цель, которой он сегодня наконец достиг.

...Подходили к Плимуту. Это был последний учебный вояж будущего генерал-адмирала русского флота.

Глава восьмая. В Плимуте

...Посол России заранее все подготовил. Англичане торжественно встретили сына русского царя. Константину и его спутникам были оказаны всевозможные почести. Они осмотрели новейшие суда, порт, Адмиралтейство, эллинги.

Русских офицеров всюду встречали радушно. Газеты писали о Константине и его спутниках.

Аврорцы повсюду побывали, ездили в глубь страны, были в Лондоне, видели английские фермы, железные дороги, парламент, биржу, катались в дилижансах и покупали новые романы.

В Плимуте офицеры одного из королевских судов дали в честь русских офицеров пышный обед. Русские офицеры ответили тем же. На этих обедах англичане и русские рассаживались вперемежку. Обстановка была непринужденная: ни Константин, ни Литке, ни высшие английские чины не присутствовали. Молодежь оставалась одна, даже без своих капитанов, лишь под присмотром русского и английского старших офицеров, и чувствовала себя, как в офицерском клубе.

И вот на другой день после обеда на борту «Авроры» одна из плимутских газет в конце статьи, где подробно описывалось празднество и тосты, после похвал русским офицерам упомянула кратко, что фрегат «Аврора» плох и содержится в недостаточном порядке.

Это была неправда, и все возмутились.

Шутники предполагали, что, быть может, англичане желали показать, что у них свобода слова и что они независимо судят.

Все понимали, что английская газета старалась рассеять хорошее впечатление от русских моряков. Делали вид, что замечена слабая и даже смешная сторона русских, которые охотно пили и угощали широко, а фрегат не могли содержать в порядке. На нет сводились все русские любезности. Англичанами подчеркивалось превосходство их флота.

Литке сделал вид, что не обращает внимания, хотя ему было очень неприятно, обидней, чем другим, и он, не желая скрывать дурного мнения англичан об «Авроре», вырезал заметку, с тем чтобы показать ее потом в Петербурге.

Офицерам он советовал не огорчаться, а заранее приготовиться к тому, что еще будут писать в Европе.

На «Авроре» долго не могли успокоиться. Как всегда в таких случаях, произошла вспышка неприязни и досталось людям, ни в чем не повинным, и всей британской нации.

Константина и адмирала на судне не было, когда в кают-компании среди молодых офицеров разгорелся спор. Пришел Невельской и встал у дверей. Он слушал с нетерпением, но, видно, хотел всех выслушать, чтобы узнать все точки зрения, либо боялся, что, если заговорит, начнет заикаться от волнения. Глаза его сверкали воинственно. Он был с поручением на берегу и еще не объявил своего мнения, которое, как все знали, часто бывало оригинальным.

Он очень любил свою «Аврору». Она содержалась в образцовом порядке. Но дело было, как он полагал, не в мнимых ее недостатках. «Будь наша «Аврора» первоклассным современным судном – каким-нибудь паровым фрегатом с парусной оснасткой, – о ней не стали бы так писать. Дело в том, что английский флот новей и сильнее, что Великобритания – первоклассная морская держава, и потому англичане смеют так писать: им поверят, какое бы лживое заключение они не вывели».

Под разговоры товарищей в душе Невельского опять закипело. Как и сама газетная статья, эти разговоры были для него лишь подтверждением того, о чем он думал давно. Он годы думал свое – и вот доказательство! И он действительно желал сейчас громко заявить об этом. Он дождался, когда все высказались, и, преодолев заикание, заговорил. Он с яростью и возмущением объявил, что в России нет флота, который нам нужен.

– Да, да! – повторил Невельской, шагнув вперед. – У нас нет океанского флота! – заикаясь, продолжал он. – Н-нет ф-флота, к-который мы должны иметь!

– Так нельзя говорить! – возмущенно заметил лейтенант Римский-Корсаков. – У нас есть прекрасные суда!

Возражения посыпались со всех сторон.

– Ты хватил лишнего, Генаша!

Офицеры знали крайнюю впечатлительность и темперамент Геннадия.

Ему прощались весьма резкие суждения за то, что он талант, «Архимед», как прозвали его еще в корпусе.

Все знали, что Геннадий мог заблуждаться, но что он честен и патриот до мозга костей.

Но сейчас все были раздражены, и дело запахло ссорой.

А Невельской говорил так именно потому, что, быть может, ему сегодня было больней всех. Но он видел много недостатков, которых не замечали или находили естественными другие офицеры. Он всегда ревниво замечал эти недостатки и считал долгом говорить о них.

«И хуже всего, – полагал он, – что с каждым годом наш флот все сильнее отстает!»

– Именно так, господа, наш флот с каждым годом отстает! Это горькая истина! Есть хорошие корабли, хотя их м-мало! Прекрасные и оф-фицеры и м-матросы! Но флота, флота, господа, который нужен такой огромной стране, как Россия, нет! Век парусного флота кончается! А мы... – Невельской разволновался.

– Ты, как всегда, преувеличиваешь! – сказал лейтенант Казакевич.

– Нет, господа! Я не преувеличиваю!

– Признайтесь, хватили лишнего, Геннадий Иванович!

В записке Невельской видел не только клевету на «Аврору», но и пренебрежение к нашему флоту и к русским вообще.

С этим согласились.

– И о нас смеют так писать! – воскликнул он. – Смеют!

Это новое заявление вызвало взрыв возражений.

– На дуэль вас, Геннадий Иванович! – полушутя отозвался Римский-Корсаков.

С Невельским считались. Его уважали не только потому, что он был вахтенным начальником Константина. Он превосходно знал морское дело.

Юноша князь был силен и ловок, но нервен, нетерпелив и капризен. Константин не мог выстоять обедни в церкви, бледнел там от духоты и от запаха свечей, и ему делалось дурно. Ему часто надоедало стояние на палубе, и однообразный вид моря, и все одно и то же, одно и то же. А надо было стоять всю вахту на ногах, следить и за парусами, и за компасом, за ветром, людьми, командовать, мгновенно улавливать все, что происходило вокруг. К этому приучали Константина и Литке, и капитан, и – бессменно – его вахтенный начальник, неотступно бывший при нем во время вахты и служивший ему примером. Он обязан показывать князю, требовать с него, делать все твердо, без колебаний, без ошибок и очень почтительно, как и все.

Однажды боцман в ночной вахте, не разглядев кто, обложил великого князя самой крепкой матерщиной, когда тот на аврале подвернулся ему под руку. Константин сначала не то расстроился, не то струсил, но потом был в восторге и просил не взыскивать с боцмана, увидев в таком происшествии ту близость народу, которую преподавал ему Федор Петрович.

Дело Невельского было сложнее. Он требовал, все объяснял, отвечал на все вопросы. И надо было следить за князем. Однажды у берегов Швеции волной чуть не сбило Константина с ног, понесло к другому борту, и Невельской мгновенно схватил его своей железной рукой.

Невельской, крепкий, с железным здоровьем, всюду успевал. И обычно – никаких лишних разговоров. Сдержанность входила в плоть и кровь его.

И он все знал, все читал, всем интересовался, все узнавал и всегда был готов ответить на любой вопрос по математике, кораблестроению или из модной литературы.

...Проведя годы подле великого князя, Невельской многое перенимал от окружающей среды, он впитывал в себя лучшее, что было в традициях этого общества. В то же время, привыкая, приучался смотреть на высшую аристократию и даже на царскую семью, члены которой часто бывали на судах, как на обычных людей. И он прекрасно понимал, что эти люди не знают флота и не представляют его будущего.

Царь бывал на «Авроре». Он знал Невельского как лучшего вахтенного начальника. Царь даже прощал ему заикание, но относился к Невельскому как-то свирепо-иронически.

Товарищи любили Геннадия. Многие завидовали ему. Его рассуждения на общие темы офицеры находили забавными и слушали их с удовольствием. В них видели не силу, а слабость, каприз сильного человека, который преуспевает. Силу Невельского видели в его служебной близости к Константину и в его будущей карьере.

В России это было время раздумий и разговоров в большей степени, чем дел.

За резкие и пылкие суждения Невельского считали чем-то вроде забавного оригинала. Иногда он обижался, доказывая свое, горячо спорил. Но все «служебное» в нем признавалось, а его рассуждения не всегда принимались всерьез.

Как оригиналу, ему разрешалось больше, чем другим. Однажды, еще учась в офицерских классах, он самого царя ухватил за пуговицу, и царь ударил его за это по руке.

Но сегодня, по общему мнению, Геннадий зашел слишком далеко. Ему говорили, что русский флот силен и что на Балтийском и на Черном морях наш флот сокрушит любого врага.

– Что есть сегодняшняя статья?! – почти закричал он. – На любом английском судне можно найти непорядок! Но если мы об этом напишем, никто не поверит. Не в этом дело! Дело в нашем положении вообще! У нас флот отстал, мы закрыты, у нас опять нет выхода, окна в мир! Со времен Петра Великого мир стал больше. Англия сильна колониями, связями со всем миром. Поэтому они осмеливаются... У нас нет океана. У Англии открыты все пути. А где океан у нас? Где?!

На «Авроре» так повелось, что офицерам разрешалось то, что всюду запрещено. Они спорили и говорили между собой открыто на любую тему. Часто высказывались резкие суждения о порядках на флоте и в России вообще.

Не все и не всегда соглашались с этими резкими суждениями. Но среди офицеров не было доносчиков, и никто никогда не чернил товарищей перед начальством. Это был один из способов воспитания Константина, принятый за последний год Литке. Он предоставлял Константину слышать разные взгляды и обо всем судить самому. Его воспитание заканчивалось.

Но, несмотря на общее недовольство и возражения, некоторые офицеры начинали соглашаться с Геннадием. В конце концов все понимали, что хотел сказать Невельской. Молодой лейтенант Воин Римский-Корсаков, очень любивший послушать Невельского, согласился с ним.

– Зачем принимать так близко к сердцу дрянную газетную статью?

– Ах, Воин Андреевич!

Появился капитан и одним этим не дал разыгаться страстям молодых офицеров. Он так же быстро ушел, как и появился. Без него зашел разговор о том, что же надо сделать, чтобы наш флот не уступал английскому. На «Авроре» ждали, что все будет разрешено, когда наконец Константин вступит в управление флотом. В то время на него возлагались большие надежды. Все ждали, что воспитанник Литке очень многое сделает для флота.

Заговорили, что надо расширить влияние России.

– Почему Сибирь безлюдна? Почему она бедна, обладая всеми неисчислимыми богатствами? – разгорячился Геннадий. – Она заперта, забыта, у нее нет общения с миром. Выход на Тихий океан по Амуру – вот что нам нужно. Почитайте американские газеты. Они придают значение Тихому океану. Американцы предвидят на нем будущее и рвутся к нему. А мы? – ухватил он за пуговицу лейтенанта Гейсмара, он всегда, заикаясь, так делал. Его научил этому

актер Каратыгин, преподававший дикцию в Морском корпусе. – А у нас там морская граница протяженностью в тысячи миль! У нас Аляска гложет...

– Но как открыть Амур, когда он закрыт?

– Кем?

– Природой!

– Неверно, – жестко ответил Невельской. – Открыть Амур должны моряки, и это возможно. И мы пойдем еще когда-нибудь с вами вместе на его открытие, лейтенант.

Он стал рассказывать, как это необходимо и как можно все осуществить.

Молодежь слушала с интересом.

– Ты прав, прав, Архимед! – своим приятным баском сказал Петр Казакевич.

Невельской мог бы сказать еще многое. О машинах, торговле, о том, что моряки могут помочь развитию, хотя бы далекому будущему развитию народа своими открытиями; что народ пойдет на новые земли, будет переселение в Сибирь... Он понимал, что в Европе недаром так много кричали и спорили об экономике, о положении рабочего, об условиях фабричного труда. Он тут всего начитался и наслушался и хотел бы еще на многое открыть глаза товарищам.

«Аврора» ушла из Плимута. Офицеры побывали в Испании, Италии, Алжире, Греции и Турции. Зеленые водяные валы били в скалы Гибралтара, и за голубым морем белели глыбы Африки... И всюду встречался английский флаг, и всюду чувствовалось английское влияние.

Невельской опять стоял вахту с великим князем, а в свободное время с жадностью читал или спорил и «проповедовал». В горах Алжира и на развалинах Акрополя он думал о своем.

Когда его спрашивали, о чем грустит и почему такой рассеянный, он отшучивался.

Однажды он сказал графу Литке, что после окончания плавания на «Авроре» желал бы пойти на исследование Амура и просит помочь. Эта просьба и последующие объяснения офицера понравились старому адмиралу.

Действительно, пора было подумать о будущем. Плавание Константина через несколько месяцев закончится, и перед спутниками великого князя открывалась карьера. По шесть – восемь, по десять лет некоторые из них были привязаны к Константину. Им даже не позволялось жениться.

Теперь каждый мог подумать о себе, посмотреть вперед. Конечно, великий князь не откажет ни одному из них в своем покровительстве.

Только сам Литке был невесел. Что-то судьба готовит ему? Куда он пойдет? Более десяти лет тому назад оставил он научную деятельность и по приказанию царя стал воспитателем Константина. Он сделал для Константина больше, чем для родных детей. И куда ж теперь? Даст ли достойную должность Меншиков?

А в просьбе Невельского была отвага, любовь к флоту и России. Он настоящий русский и правильно понимает, что будущее России там, на Тихом океане, – огромно.

Литке знал, что не должно быть того, что есть теперь. Из русских должны явиться свои знаменитые мореплаватели и путешественники. Он помнил Василия Головнина, своего учителя, к которому на всю жизнь сохранил чувство благоговения и благодарности. Литке воспитывал Константина в любви и уважении ко всему русскому, к памяти Петра, к старине – боярским костюмам и теремам, делая это так, как сам понимал. Со всей своей немецкой аккуратностью и добросовестностью Литке завел на «Авроре» культ преклонения перед всем русским.

«Молодец и мыслит правильно, – думал он о Невельском. – Верно смотрит в будущее. Мы задохнемся, если не выйдем в мир через Тихий океан».

Сам Литке не раз плавал по Тихому океану и всегда говорил своим питомцам, что там большое будущее.

Но Литке был всегда осторожен, памятуя неприятности, которые из-за увлечения Тихим океаном были в 1825 и в 1826 годах, когда царь разогнал всех, служивших с Рылеевым, из Российско-американской компании.

А Невельской молод, его никто не заподозрит в связях с декабристами, у него нет того страха, что у напуганного старшего поколения, он говорит обо всем громко и открыто и судит свободно.

В те годы, когда Литке был молод, между русским и английским флотом тоже была разница, но не такая. Тогда надеялись на будущее развитие. Головнин, учитель Врангеля и Литке, еще тогда стремился в восточные моря. Были открытия, ученые экспедиции.

С двадцать пятого года все прекратилось. Старшее поколение моряков после разгрома гвардейского экипажа на Сенатской площади, после ареста Бестужевых было ненавидимо царем. Особенно присмирели моряки, когда прошел слух о том, будто сам Василий Головнин в свое время хотел пригласить на судно императора Александра и взорвать его вместе с собой.

«А ныне пусть действует молодежь», – думал Литке.

Он знал, что царь не хочет никакого лишнего общения с другими державами. Страна была закрыта. Флот старел и не обновлялся, строились лишь огромные парусные линейные корабли, потребные более для морских парадов, чтобы демонстрировать мощь российской державы.

Вся надежда Литке была на Константина. «Вот кто, – думал он, – должен возродить русский флот». Он внушал Константину, что все надо начинать с корня, с азов и – самое главное – с нового устава флота, чему Константин и решил посвятить первые годы своей деятельности.

Литке обещал поддержку Невельскому. Он поговорил с Константином. Невельской не раз говорил великому князю о своих намерениях. Тот знал об интересе Невельского к Востоку и соглашался, что России очень важно обладать Амуром. Проект Невельского заинтересовал его. Но Константин знал, что не имеет права решать такие вопросы сам, даже если бы он уже стоял во главе флота.

Он не раз говорил, что будет поддерживать все передовое, новое, и давал слово быть гуманным и либеральным, любить все русское. Он обещал Невельскому свое покровительство.

Фрегат вернулся в Кронштадт, и в тот же час Константин ушел на вельботе в Петергоф. Плавание закончилось. Вскоре офицеры получили награды, жалованье, отпуска. Были сделаны производства, Невельской стал капитан-лейтенантом и был награжден полугодовым окладом. Константин дружески простился со всеми своими спутниками.

Невельской получил отпуск и уехал к матери в Кинешму, посмотрелся после Европы на Русь, на костромских помещиков, на крепостных, на нищету и голод, на драки, кабаки, на бурлаков, прочитал только что вышедшую «Обыкновенную историю» молодого и до сих пор не известного Гончарова. Эта книга произвела на него огромное впечатление.

«Да, это все верно! Все так!» – думал он. Его очень занимал автор этой книги. Кто он? И его занимало современное ему общество, не то – блестящее и светское...

Невельской вернулся в сорок седьмом году в Петербург с еще более твердым намерением скорей идти на Восток. К этому времени он все чаще слышал и читал о том, что на Тихом океане появилась новая сильная и отважная морская нация – американцы, они хлынули во все моря и всюду занимают то, что еще не занято.

Глава девятая. Проводы нового губернатора

Перед отъездом в Сибирь Муравьев был в Зимнем дворце у императора. Он подробно доложил обо всем, что решил предпринять в Иркутске, чтобы исполнить повеление его величества и навести порядок с акцизами и откупами, а также повысить доходы от торговли вином. Потом он сказал, что в будущем примет меры, чтобы улучшить обучение войск, для этого объедет сам Забайкалье и пограничную линию с Китаем, познакомится с казачьим поселением и с горнозаводским крестьянством...

Когда царь задавал вопросы, Муравьев отвечал быстро и точно, и видно было, что он недаром сидел в Петербурге и основательно подготовился к управлению краем.

Он изучил акцизное и откупное дело, обдумал, как увеличить число солдат и как обучить полудиких казаков строю и ружейным приемам...

Николай просветлел... Взгляд его властных голубых глаз выражал и строгость и удовлетворение.

Перейдя к делам морским, губернатор изложил свой взгляд на великое будущее Камчатки, сказал, что осуществит повеление его величества и приложит все усилия, чтобы Петропавловск стал могучей, неприступной крепостью, центром и оплотом русского влияния на Восточном океане.

– Но сам ты туда не доберешься? – спросил царь. – Ведь путешествие на Камчатку связано с большими затруднениями.

– Я постараюсь и туда добраться, – быстро ответил Муравьев.

Тут он сказал, что важным вопросом на Востоке, от которого зависит многое, продолжает представляться ему необходимость возвращения России реки Амура и что он, перед лицом государя не смея таить своих мыслей, обязан сказать, что совершенно не согласен с позицией, занятой в этом вопросе министром иностранных дел...

Вот тут-то для подкрепления своих доводов он и пустил в ход ту массу сведений, которыми стал располагать за последнее время. Казалось, ученый-географ и в то же время дипломат и историк говорит с царем.

– Кяхтинская торговля возникла после Нерчинского договора, когда мы вынуждены были уйти с Амура. Кяхта – единственный пункт, где производится торговля России с Китаем. Ваше величество, это не соответствует значению нашей империи на Крайнем Востоке. В то время как англичане добились открытия для своей торговли пяти крупнейших портов, мы, имея тысячи верст общей границы с Китаем, довольствуемся торгом на Кяхте...

– Это верно, – согласился царь.

– Возвратив реку Амур, мы во всех отношениях займем надлежащее положение на Восточном океане. Возникнет русская торговля с Китаем, сухопутная и морская. Мы получим гавани на устье и верное средство для снабжения портов Камчатки.

– Но на устье Амура три фута глубины! – сказал царь.

– Ваше величество! Такая мощная река, как Амур, не может не иметь выхода. Лиман ее огромен, и где-то должен быть канал. Я прошу позволения, ваше величество, послать для выяснения этих вопросов особую экспедицию. Летом будущего года выйдет из Кронштадта на Камчатку транспорт «Байкал». Командир его, капитан-лейтенант Невельской, вызывается произвести опись.

Царь слушал с интересом. Восток тем и ценился, что там все было спокойно. Лучшего соседа, чем Китай, нечего было и желать.

Но вот Муравьев уверял, что России грозит там опасность от англичан, а для укрепления Петропавловска нужно плаванье по Амуру... Уже не первый год англичане злили царя тем, что упрямо не хотели понять своих интересов. Он полагал, что они должны быть его союзниками,

что их враг не Россия, а революция. А они упрямо действовали повсюду против интересов России, не понимая, что грозит им самим в конце концов...

Два года тому назад царь посылал к устью Амура экспедицию для определения судоходности реки. Эту экспедицию снаряжала Российско-американская компания, председателем которой был известный адмирал барон Врангель.

Экспедицию велено было снарядить с большими предосторожностями, чтобы флаг был не русский, матросы без формы, и даже табак велено было взять виргинский, так как по одним источникам предполагали, что на устье Амура сильная китайская охрана, крепость и еще бог знает что, а по другим – что там чуть ли не русский город, основанный беглецами из России. Во всяком случае участникам экспедиции при встречах с местными жителями велено было выдавать себя за нерусских рыбаков.

Царь знал результаты исследований, но Муравьеву не сказал. Он не любил раскрывать государственные тайны.

Правда, на половине императрицы случалось, что он при фрейлинах рассказывал важнейшие государственные секреты. Многие фрейлины были любовницами иностранных дипломатов, и тайна живо становилась известной европейским дворам.

Половина императрицы, набитая фрейлинами, в большинстве немками, представляла собой как бы базар политических новостей, и дипломаты не жалели средств и способностей, чтобы заслужить благосклонность хотя бы одной из них.

– Одного слова вашего величества было бы достаточно, чтобы начать подготовку к возвращению Амура.

– Для смышленного слушателя не надо много слов, – назидательно ответил Николай.

Муравьев почтительно поклонился, показывая, как глубоко чувствует он важность этого замечания.

Когда беседа о Сибири и о предстоящем новом исследовании Амура закончилась, царь сказал:

– Пойдем, я покажу тебе новые статуи, которые велел купить в Италии. Вчера они получены и распакованы. Ты первый их увидишь...

Он взял губернатора под руку. Они быстро и молодежато зашагали через огромные комнаты. Для маленького Муравьева это торжественное шествие с императором, державшим его за локоть на виду у всех придворных, было значительней любой награды и любого повышения. Его тут все знали, и все видели милость царя к нему, и он знал – его положение в Сибири крепнет с каждым шагом, который он делает по этим коврам в ногу с государем.

На лестнице возле колонн, где были расставлены скульптурные изваяния, император остановился у бедра маленькой нагой мраморной женщины, лежащей на боку. Это было одно из тех модных изваяний, которые Муравьев видел не раз в Европе. Посредством легкого отклонения от классических линий художник придавал формам соблазнительность, и они несколько раздражали, задерживая взор там, где глаз должен плавно скользить.

Муравьев подумал, что царь, кажется, согласен признать прогресс, но лишь в военном деле и эротическом искусстве...

Но, несмотря на такие крамольные мысли, Муравьев чувствовал себя на седьмом небе. Он никогда не посмел бы мечтать о той ласке, которую Николай выказал ему сегодня, разрешив писать из Сибири прямо себе, минуя все инстанции, пройдя с ним по дворцу и показавши итальянские статуи.

Глава десятая. На доках

Император Александр Первый гарантировал финнам конституцию, их страна стала полунезависимым герцогством с императором в качестве великого герцога... Был создан сенат и назначен генерал-губернатор...

Из старой английской энциклопедии

Стоял декабрь. Море еще не замерзло, но вдалеке виднелись белые пятна. Это обмерзшие мели и острова, покрытые снегом, либо отдельные плавающие льдины, оторванные в бурю от становившихся берегов. Среди них рябое море казалось исчерна-грязным.

Вместе с Невельским в Гельсингфорс шел на пароходе только что назначенный старший лейтенант «Байкала» Петр Васильевич Казакевич, близкий его товарищ, вышедший из корпуса на год позже Невельского и впоследствии служивший с ним на «Авроре».

Пароход приближался к Финляндии в тумане. Все чаще попадались навстречу рыбацкие лодки и парусные баржи, груженные дровами. Когда разъяснило, на гранитных берегах стал виден сосновый лес. Всюду по морю торчали на поплавах шесты с цветными флажками, указывая места, где расставлены сети. На дальних увалах проступала полоса хвойных лесов. На прибрежных льдах чернела толпа народу. Рядом стоял баркас. Там выбирали невод воротом. Тучи чаек с криками кружились над рыбаками.

Вскоре из-за гранитных шхер поднялись каменные здания Свеаборгской крепости, построенной на одном из лесистых островов, прикрывающих вход в залив. Над фортами развевались флаги.

Пароход прошел между гранитных скал. Открылся вид на залив; на дальнем берегу виднелся город Гельсингфорс. Невельской стоял на мостике и с удовольствием переключал ручку машинного телеграфа. Послушная машина все исполняла немедленно.

Маленькая «Ижора», давая гудки и звонко шлепая в утренней тишине своими широкими плечами, быстро шла мимо русской военной эскадры. Тяжелые огромные корабли ее словно залегли по всему заливу. Невельской рассматривал их знакомые очертания. Это были суда Балтийской эскадры. На них служили многие его старые товарищи по корпусу...

Приближался берег с огромным куполом собора, с главами кирок над садами и множеством белых зданий...

На осмотр строившегося корабля явились оба хозяина – господа Бергстрем и Сулеман, оба очень любезные, без тени той холодности, с которой в городе встречали офицеров.

Внутри большого каменного здания в обширном гнезде пола обшивался досками будущий корабль. Виднелся его остов – похожие на ребра, светлые деревянные шпангоуты, скрепленные крепкими поперечниками – бимсами.

Под крышей гулко отдавался перебой топоров, и такой же стук доносился из других отделений доков, где в таких же гнездах строились суда.

Прошли в отделение, где начат «Байкал». Тут у гнезда пола лежат заготовленные железные бимсы и груды обшивных и палубных досок. Плотники стучат внизу, начинают свою работу. Корабельный инженер Свеаборгской крепости Фомин давал объяснения.

На площадку поднялся пожилой корабельный мастер. Он был предупрежден о приезде заказчика и готов был все объяснить. Мастер понимал по-русски. Он поклонился офицерам и хозяевам.

Невельской задал несколько вопросов. Затем по узкому качающемуся трапу спустился вниз. Там не торопясь, дружно и основательно работали финны-плотники. Оба хозяина спустились следом.

Невельской стал объяснять, что «Байкал» идет в кругосветное путешествие, везет товары и продовольствие на Камчатку, поэтому желательно сокращение срока работ.

– Это невозможно, – решительно ответил Бергстрем, высокий швед с седыми жесткими усами. – Работа будет выполнена в срок. Мы никогда не опаздываем с выполнением заказов.

– У нас сейчас очень большие затруднения, – как бы желая извиниться, заговорил Сулеман, еще молодой человек с узким смеющимся лицом и вздернутым носом. На нем была черная шляпа и черное пальто с бархатным воротником. – Но сроки договора будут выдержаны.

Оба шведа и слышать не хотели о спуске судна раньше срока. Невельской и на этот раз решил рискнуть.

– Перед отъездом сюда я был у светлейшего князя Меншикова, – заговорил он.

Меншиков был не только начальником Главного морского штаба, но также, по совместительству, генерал-губернатором Финляндии, хотя жил в Петербурге. Как ни далеки были финляндские дела Меншикову и как ни далек был сам он финским шведам, но упоминание о том, кто символизировал могущество петербургского правительства и военную мощь империи, сразу произвело действие.

Еще у всех на памяти марши императорских войск через Финляндию после войны со шведами. Порт, город, крепость заняты многочисленным гарнизоном, а в заливе стоит военный флот.

Имени Меншикова боялись. Финляндия по-своему переживала бурное время. Студенты составляли какие-то общества. Русские, оторвав Финляндию от Швеции, дали ей полунезависимость и, сами того не желая, способствовали развитию в ней национализма.

В такое время Бергстрем и Сулеман желали засвидетельствовать свою благонадежность и заслужить расположение князя. Императоры обходятся с Финляндией и финнами гораздо лучше, чем с собственным народом, и это надо ценить.

Взор Бергстрема, пристальный и настороженный, задержался на лице Невельского.

Помогая Невельскому подняться наверх, Сулеман поддержал его за локоть, потом пропустил Казакевича.

– Князю будет приятно, если транспорт придет в Кронштадт в июне, – продолжал Невельской, поднявшись на площадку.

Хозяева переглянулись. Они пригласили обоих офицеров пройти в контору.

Строитель кораблей Якобсон, приглашенный на завод из Дании, в своем деле знаменитость. Хозяева очень гордились им. Голубоглазый Якобсон говорил по-русски плохо и немного волновался, как каждый человек, любящий свое дело. Сулеман помогал ему, подсказывал и переводил. На столе – проект корабля, чертежи.

– Руль дубовый. С круглой головой. Румпель железный.

– Господа, по сути дела, постройка еще не начиналась и произведены лишь заготовки материалов, – сказал Невельской. – Но я бы желал довести до вашего сведения, что по настоятельному совету его превосходительства адмирала Лазарева и при согласии графа Гейдена я полагал бы полезным и нужным произвести некоторые изменения в первоначальном проекте.

И тут он начал: надо развалить бока по одному футу с каждой стороны, уменьшить на три фута длину галюна, сделать маленький полубак...

– Я имею в виду совершенно изменить внутреннее расположение, с тем чтобы поместить как можно больше груза.

Невельской заметил, что датский мастер не горячится и слушает с интересом.

– Светлейший князь Меншиков желает, чтобы транспорт мог поместить сколь возможно большее количество воды, по крайней мере на четыре месяца, а провизии – на семь...

Сказал, что адмирал Михаил Петрович Лазарев прислал все чертежи, а также «дельную книгу». Бергстрем опять переглянулся с компаньоном. Присылка рабочих чертежей! Капитан

здесь же их выложил. Якобсон посмотрел и сказал, что изменения, о которых просит князь Меншиков, не представляют большой сложности.

Невельской как-то сразу почувствовал союзника в Якобсоне и, кажется, не ошибся. Зна-ток дела тем охотней берется за него, чем больше затруднений.

Но Якобсон заметил, что судно будет своеобразного вида.

Якобсон сказал это с легкой и хитрой улыбкой.

– Да, это я знаю.

Но Невельской далеко еще не все сказал. Придется против проекта уменьшить рангоут, сделать короче мачты: бушприт – на четыре фута, грот-мачту – на три, бом-брам-стенги – на четыре. Гик – на полтора. Совершенно необычайного вида получится судно! Но об этом пока не сказал.

На столярную работу военный инженер Фомин должен нанять вольных рабочих от Све-аборгского порта.

Компания запросила с кораблестроительного департамента лишних девятьсот рублей.

Проекты постройки четырех шлюпок для брига также утверждены. Паровой шлюпки компания не могла сделать.

На десятивесельный баркас придется поставить в Англии паровой двигатель с винтом. Больше негде... Надо хлопотать об отпуске средств в кораблестроительном департаменте. А начальников департаментов у нас ведь никогда на месте нет – то они на важных торжествах, то на приемах; наши адмиралы то болеют, то на даче или в деревне, то чем-то заняты, бог знает чем. И, зная это, Невельской смело действовал, иногда от их имени, с их чиновниками.

Воскресенье провели у Бергстрема в загородном доме. Катались на коньках на замерзшем озере, расчищенном от снега. Дочери хозяина не уступали в этом искусстве гостям.

Невельской и Казакевич ни разу не катались с тех пор, как закончен корпус. А тут пригото-вовлены башмаки с коньками, куртки. В корпусе это развлечение не очень поощрялось. Счи-талось бездельем. Кадеты, бывало, на поленьях с берега катались.

Утром оба компаньона в кабинете разговаривали с офицерами об условиях нового согла-шения.

– Мы согласны ускорить постройку судна! – заявил Бергстрем. – А также произвести изменения в проекте.

– Да, да! – с неизменной улыбкой подхватил Сулеман. – Мы можем это сделать. – Оба компаньона очень дорожили казенными заказами. – Желание его светлости! – заметил Суле-ман. – Это очень хорошо! Светлейший князь – благодетель Финляндии!

Через несколько дней начерно составили новое подробное обязательство.

В тот день обедали у Сулемана. Бергстрем рассказал офицерам между прочим, что в Або произошли серьезные волнения, что на улицах расклеены были афиши с надписями: «Долой Николая I!», «Долой Меншикова!» – и что русские студенты на одном из сборищ выступали вместе с финнами. Бергстрем говорил об этом с возмущением.

* * *

Дни были очень короткими. Невельской и Казакевич по утрам приезжали на док.

Невельской, куря трубку, часами смотрел, как работали белокурые молчаливые рабочие. Они знали, что транспорт пойдет кругосветным в восточные моря, что капитан просит уско-рить работы и постараться.

Вскоре из Петербурга пришел ответ, и новое обязательство было подписано. Лейтенант Казакевич оставался в Гельсингфорсе наблюдать за постройкой судна.

Проводить Невельского явились на «Ижору» Бергстрем и Сулеман.

– Так, пожалуйста, по приезде в Санкт-Петербург, – просил Бергстрем, – передайте наше нижайшее почтение его светлости.

– И обратите внимание его светлости, что Сулеман и Бергстрем пошли навстречу его пожеланиям, – сказал Сулеман.

Хвойные леса на гранитных скалах вскоре исчезли в морской мгле. Пароход, время от времени давая гудки, шел в густом тумане, держа курс на Ревель.

Невельской стоял на мостике, хватая то ручку машинного телеграфа, то рупор. Сменяясь с вахты, целыми часами писал у себя в каюте. Представитель в Лондоне на доках – инженер Швабе. Консул в Портсмуте – Матвей Марч.

Невельской составил подробные письма. К Марчу – куча разных просьб. Но пока еще рано эти письма отсылать.

Швабэ должен узнать, можно ли заказать для «Байкала» паровую шлюпку с архимедовым винтом. Мало написать, надо в Петербурге выхлопотать деньги, упросить Меншикова, может быть, придется хлопотать через Гейдена или Беллинсгаузена. С Константином об этом говорено прежде, но хотели в России построить.

Бергстрем и Сулеман не могли сделать паровой шлюпки, хотя Невельской как оглушил их, сказав, что его высочество великий князь Константин Николаевич желал бы этого. Но паровых судов компания не строила и шлюпку паровой машиной оборудовать не могла.

На рассвете вошли в огромный Ревельский залив. На светлом небе отчетливо вырисовывались силуэты киров и древней крепости Вышгорода, или Домберга, на холме среди города. Но игла кирки Святого Оляя, построенной почти на уровне моря в гуще эстонских домов у подножия холма, поднялась из низины выше крепости, и выше холма, и даже выше шпилей башен, построенных баронами на вершине Домберга.

Глава одиннадцатая. Канцлер

*...И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин...*

А. Пушкин

Николай Павлович пробуждается рано. Петербургский рассвет зимой поздний. Государь приучил весь Петербург работать до свету. Не тех простых чиновников, которые трусят в должность, перекусив «селедочкой с хлебцем», а высших вельмож.

...Одна за другой задолго перед рассветом подкатывают к подъезду крытые кареты. Пряча от мороза в зеркальных модных экипажах, люди привозили с собой часть домашнего тепла, уютной, утренней истомы и вчерашних светских впечатлений.

Входя в приемную, где надо было ждать, каждый чувствовал себя как петровский конь, вздернутый на дыбы. В этот час вышибало из всех ощущение прелести жизни.

В конце концов все привыкли, но никому не нравилось. А государь требовал ранней явки, словно тут гвардейская казарма.

Приемная в Зимнем дворце, где среди низкой колоннады расставлены кресла, в самом деле кажется похожей на казарму или на комендантскую при новейшей тюрьме. Остальные тысячи комнат дворца – библиотеки, бальные и приемные залы с торжественными портретами, с роскошными люстрами, ложа спальни под торжественными балдахинами. А тут походит на проходные комнаты фрейлин на третьем этаже. Колонны и мрамор те же, что и всюду, но есть что-то от казармы.

Шесть часов утра. Почти одновременно входят канцлер граф Нессельроде и князь Меншиков.

У графа Нессельроде тонкая шея и узкая голова. Он мал ростом, с выцветшими глазами навыкате, со звездами и орденами на ленте и по мундирному фраку, с усыпанным бриллиантами портретиком царя Николая на груди. Черные волосы взбиты, чтобы придать канцлеру роста.

Огромный князь Меншиков сдержанно-почтительно кланяется ему и говорит прямо в лицо:

– Истинно обезьяна! Здравствуйтесь, Карла Васильевич!

Граф Нессельроде почти не понимает по-русски, смотрит миг вопросительно, с тревогой, он чувствует иронию. Сам насмешливо улыбается.

Князь достает платок из заднего кармана, отворачивается...

Оба вельможи садятся на легкие кресла у мозаичного столика.

Пятерки свечей в стенных подсвечниках освещали приемную. В обмерзших окнах дворца еще ночь. Где-то там, во тьме, на морозе, шагали часовые, проезжали патрули, опять кареты подкатывали ко дворцу: министры приезжали на доклад... А в казармах по всему Петербургу уже чистились, одевались, затягивались. И чистили лошадей, приготавливались к утреннему учению. Вся столица была как бы единой огромной казармой.

Государь точен, вызовет минута в минуту. Сейчас у него петербургский полицмейстер. Входя в приемную, Нессельроде и Меншиков видели, как в дверях государева кабинета исчезли фалды полицейского мундира. Первым ежедневно докладывает полицмейстер. Но иногда он задерживается, видимо, что-то происходит в Петербурге. Канцлеру и министрам при всей аккуратности и обязательности государя приходится ждать.

– У меня был генерал-губернатор Восточной Сибири, – говорит Меншиков. – Он настаивает, чтобы к устью Амура еще раз была послана экспедиция. Он утверждает, что такая великая река, как Амур, не может теряться в песках.

– Это невозможно, – с легкой грустью ответил Нессельроде и мечтательно возвел глаза на плафон. – Мы имеем донесение академика Миддендорфа, производившего исследования вблизи устьев Амура, доклады Врангеля, подтверждающего мнение европейских авторитетов... Крузенштерна... – При этом он сделал такой плавный жест рукой, словно рассказывал про симфонический концерт со знанием дела.

«Пошел своих немцев пересчитывать», – подумал князь и поморщился. Нессельроде почувствовал, что собеседнику не нравятся перечисленные нерусские фамилии.

– Есть также донесение нашей православной миссии из Пекина, – с живостью возразил Нессельроде, делая ударение на слове «нашей». – Кроме того, как вам известно, к Амуру была послана особая экспедиция, которая убедилась, что устья его недоступны.

Меншиков знал, что эту экспедицию возглавлял больной и вялый человек – офицер Гаврилов. Князь поздно спохватился, что зря назначили Гаврилова. В инструкции, которую дал Гаврилову морской штаб, как потом оказалось, Нессельроде и министр финансов Канкрин внесли изменения.

«...и убедиться в недоступности амурских устьев...» – вписал Нессельроде своей рукой. И министр финансов Канкрин был очень доволен. Экономически весь этот Восток он считал невыгодным, убыточным. А в результате таких экспедиций не могло понадобиться никаких ассигнований на будущее исследование. Царь утвердил инструкцию.

– У меня там может разбить корабли, – сказал Меншиков по-французски. – Охотский берег неизвестен. Там во множестве появляются иностранные китобой и хозяйничают.

– Не следует нашим кораблям приближаться к тому берегу, – поучительно и строго возразил министр иностранных дел, чуть выкатив глаза с таким видом, как будто что-то осторожно глотал. – Интересы России на море дороги мне... – Нессельроде намекал, что сам он воспитанник Морского корпуса. – Но ныне обстоятельства очень серьезны и требуют от нас величайшей осторожности. Каждый наш необдуманный шаг может стать причиной разрыва с западными державами, у которых в Китае свои интересы. Кроме того, маньчжурскому богдыхану это также может не понравиться, и он прекратит кяхтинскую торговлю. Вот таким-то необдуманным действием и может воспользоваться Великобритания. Чтобы не усиливать английских позиций на Востоке, нам не следует желать там никаких приобретений.

– Но ведь там старинная русская земля.

– Ныне она для нас значения не имеет. Говорю вам это как моряк. Совершенно не нужна нам река Амур и те берега.

– Но говорят, что карты ложны, что земля там не заселена.

– Как это карты ложны? Как карты ложны? Карты отпечатаны во всем мире, а мы без причины будем рвать их! Да так и англичане не поступают.

– Генерал-губернатор был у меня и хлопотал весьма настоятельно. Его доводы очень вески.

– Зачем вы все так стремитесь на Восток?! – воскликнул Нессельроде. – Россия – европейская держава, и наше место – в Европе. Смотрите, все так стремятся съездить в Европу, а никто на Восток добровольно еще не выехал.

– А как же англичане? – спросил Меншиков.

– То англичане! – чуть заметно улыбнувшись, ответил Нессельроде.

Хотя он и был канцлером России, но тех, кто поддерживает неприязнь к немцам, не любил и при случае всегда делал вид, что не считает русских способными на что-нибудь путное.

По многим соображениям Нессельроде не желал никакого движения на Амур. Чтобы раз навсегда отбить у Меншикова охоту заниматься этой отдаленной проблемой, он сказал назидательно:

– Если вы желаете Сибири добра, то не касайтесь вопроса об Амуре. Едва мы возбудим его, как наша успешно развивающаяся ныне Сибирь совершенно заглохнет.

– Как так? – Князь, бывалый в подобных делах, остолбенел, услыша довод, противоречащий здравому смыслу.

– Как? – надменно вскидывая брови, переспросил Нессельроде. – Да ведь наша Сибирь живет кяхтинской торговлей с Китаем. Кяхтинская торговля привлекает московских и петербургских коммерсантов. Они вкладывают свои капиталы в Сибири, которая живет кяхтинской торговлей. Если мы возбудим тревогу у маньчжуров, которые господствуют в Китае, границу закроют, торговлю в Кяхте прекратят, обозы товаров не пойдут из России в Сибирь, у сибиряков заработков не будет и связь Сибири с Россией нарушится! – закончил Нессельроде с видом победителя, и он сделал такое движение обеими руками, как дирижер, повернувшийся к публике.

Карлик вился как уж. Его отговорки были неосновательны. Сегодня остроты не шли на ум князю. Канцлер видел, что его собеседник теряется.

– Мы видим козни англичан везде, где они есть и где их нет, – продолжал он. – Англичане, возможно, захотят исследовать Амур, – иронически улыбнулся канцлер с видом превосходства, – но они никогда не станут там утверждаться. У них Индия, Африка, цветущие колонии. Мы переоцениваем их силы, и они всюду нам мерещатся. Мы сами фантазируем и создаем их могущество. Им и не снилось посягать на те края, а уж нам кажется, что они вот-вот там появятся!

Нессельроде скривился, сморщил нос и вытянул губы дудкой, словно посасывая горькую пилюлю, и, покачивая головой, как бы любовался Меншиковым.

– Верно говорят, Карл Васильевич: чтобы провалить какое-нибудь дело, надо мне похлопотать о нем у вас, – полушутя сказал Меншиков.

Нессельроде взглянул на стоявшие в углу часы с золотыми ангелами, потом на свои карманные и поднялся. Поднялся и Меншиков. В тот же миг вздрогнула дверь кабинета. Опять утихла на миг. И сразу распахнулась.

Вышел сухощавый белокурый старик в полицейском сюртуке, с крестом на шее. Жестким кивком головы и жестким взглядом отдал честь и восхищение маленькому канцлеру. Нессельроде отвечал приветливо и любезно, но тем слегка фамильярным кивком, каким подчеркивают свое место лицу «нижестоящему», хотя и находящемуся в большом фаворе.

На креслах и на диване уже теснились вельможи. Нессельроде величественно ответил на их поклоны. Слегка покачиваясь и чуть отводя правую руку, он прошел в кабинет императора.

* * *

Когда-то Карл Нессельроде, еще совсем молодой человек, был послан гонцом от русского двора ко двору герцога Вюртембергского с известием о коронации Павла I. В те времена таков был обычай. О коронациях извещали особые послы.

Едва экипаж переехал границу Пруссии и по сторонам дороги, обсаженной деревьями, стали видны немецкие домики с черепичными крышами, как Карла охватили воспоминания. Он рос в Германии. Он с отвращением вспоминал свое учение в Петербурге в Морском корпусе, куда Екатерина II определила его и где, страшась моря, он с ужасом думал о предстоящих плаваниях. Лезть на реи! На всю жизнь запомнил он, как однажды за нерасторопность и трусость был послан на салинг. Какой ужас – стоять на маленькой площадке, спиной к качающейся мачте, и не видеть ничего, кроме моря!

Он не любил моря. Только в комнатах, в залах и в каретах он чувствовал себя как рыба в воде. Стараясь освободиться от морской службы, от ужасов моря и от своих грубых товарищей по корпусу, Нессельроде проявил редкую изворотливость. Он нашел заступников среди немцев, служивших при царском дворе.

Павел спросил молодого Нессельроде:

– Любите ли вы морскую службу?

– Я ее не знаю, – с изящным поклоном ответил юный Нессельроде.

– С берлинским воспитанием иначе и быть не может, – строго сказал Павел, но тут же определил его ко двору флигель-адъютантом.

С тех пор Нессельроде не любовался морскими пейзажами. Его привлекали богатые дома, дворцы, залы, приемы, драгоценные вещи, награды, должности, изящные манеры. Небо существовало для него лишь как довод в споре, изысканные обороты речи доставляли наслаждения больше, чем виды природы, а цветы он любил лишь как средство для смягчения женских сердец.

И вот Карл ехал послом России в Штутгарт. Он испытывал гордость потому, что в свои юные годы исполняет такое важное поручение.

Обласканный Вюртембергским герцогом, который знал его отца, Карл, отлично выполнив поручение, отвесив все поклоны и сказав все изысканные фразы, приехал гостить к своему старику во Франкфурт.

Он рассказал о восторженном приеме, оказанном ему в Штутгарте.

Отец и сын расположились на террасе, увитой плющом. Старик Нессельроде сидел в кресле. Его ноги были укутаны пледом. Вдали, над лесом, виднелись одинокая черная колокольня кирки и черный и крутой скат ее крыши.

Отец лечился во Франкфурте. Последние годы лечение было его единственным занятием. Он жил в Германии как русский подданный, хотя и не знал по-русски.

– Герцог Вюртембергский, – рассказывал Карл, – принял меня, как родного.

– Иначе и быть не могло, – ответил старик. – В свое время я оказывал ему услуги. Так тебе хорошо в России живетесь? Ты теперь важная персона.

– Только мне не нравится неучтивость и грубость русских. Если бы при дворе не было немцев, жизнь была бы невыносимой. Я так по Германии соскучился!

Отец пристально посмотрел на сына.

– Что ты хочешь этим сказать?

Карл был окрылен успехом у герцога.

– Мне кажется, я мог бы служить в Европе, – сказал он.

Старик нахмурился.

– Это легкомыслие! – ответил он. – Ты не поддавайся таким настроениям. Я служил за свою жизнь пяти государствам, Фридрих Великий любил меня, как родного, – старик всхлипнул и приложил платок к глазам, – но в Европе служба непостоянна. Когда у Фридриха Великого иссякла казна, я должен был, при всей моей к нему привязанности, искать службы в другой стране. Я ему был предан со всем моим благородством. Только его плохие денежные обстоятельства заставили меня расстаться с ним. А как я его любил! Он мне всегда говорил, что я похож на француза. Французы ему нравились... – Старик упрямо уверял сына в своей любви к Фридриху, так как в Европе были слухи, будто бы Нессельроде в свое время дезертировал от него.

Отец Нессельроде был немцем-католиком. Он поочередно служил Австрии, Португалии, Франции, Пруссии и России. В Лиссабоне он женился на богатой португальской еврейке, принявшей лютеранство.

– Ты нигде такой службы не найдешь, как в России. Теперь в Европе много своих претендентов на такие должности, которые хочешь занимать ты. В России немцы при дворе в

почете – коренных русских часто нельзя послать за границу без того, чтобы они не осрамили своего государя. Они грубы. Я сам поехал послом в Берлин на смену Румянцеву, которого отозвали из-за грубости и ложных действий. В России дипломатическое поприще будет для тебя открыто. Отец твой всюду свой, так что при каждом дворе тебя примут как родного. В каждой стране у меня друзья, и каждая вера близка мне. В костеле и в кирке я свой, так же как и с безбожниками-энциклопедистами. Нигде твои связи с Европой, которые я тебе доставил, твоё воспитание, твои манеры, знание Европы не будут оценены так, как в России. Я каждой стране служил. И Англии тоже помогал... Хотя сам я не служил их двору, но оказывал много услуг твоим единоверцам. Ещё до сих пор за услуги дипломатам преподносят дорогие подарки. Вот этот перстень... Ах, боже, боже! Это делается открыто, таков обычай, это все знают. И ты не пренебрегай Россией. Это богатая страна. В Европе смотрят с завистью на её будущее. Ни одна страна не имеет таких возможностей.

– Да, это прекрасная страна! – воскликнул Карл. – Но дворяне...

– Что ты хочешь, чтобы в России не было русских? – Старик недовольно взглянул на сына. – Ты служи и поменьше касайся их! Старайся для государя – и тебя все при дворе полюбят, как меня любили. Пойдем по парку прогуляемся. Я чувствую прилив сил... Немцы – оплот русского государя, без наемников он мог бы воевать со всем миром, но не мог бы вести мировую политику.

Старик Нессельроде, слабо ступая и опираясь на палку, спустился с крыльца. Карл поддерживал его.

– Ты дипломат, хотя и молод. Карьера блестящая перед тобой открыта. Продолжай её – и навсегда станешь своим человеком в Европе, будешь пользоваться всеми благами европейской жизни. В России уж казна не иссякнет, как у Фридриха, за это можешь быть спокоен. И тебе не придется менять государей. Будешь всю жизнь держаться одного двора и ещё подашь пример патриотизма. Женишься, быть может, и станешь славным барином. – Старик остановился, улыбнулся и потрепал сына по щеке. – Зачем тебе лучшего искать? Ах ты мой русский! Теперь ты дипломат, и уж никто не погонит тебя на салинг... – пошутил он.

Со времени этого разговора прошло почти пятьдесят лет. Теперь Карл Нессельроде достиг всего, чего только можно достичь...

Это был надменный старец, хитрый, властный и мстительный, заслуживший расположение самовлюбленного царя, участник великих совещаний в Европе, чья подпись от имени России стояла на важнейших исторических документах.

Он был известен как сторонник неограниченной монархии.

Легитимизм был единственно возможным убеждением Нессельроде, так как он знал, что иначе царь не потерпел бы его на посту министра иностранных дел.

Многие в России и за границей полагали, что Нессельроде ничтожество, лишь составитель бумаг, покорный исполнитель воли государя, что страной правит сам Николай.

Нессельроде не старался опровергать эти слухи. Он знал, что царю лестно слышать их. Он привык служить и подчиняться государю и выражать его волю. Но это не значило, что у него не было собственной воли.

Там, где речь шла о его личных выгодах, он умел действовать независимо от государя, и бывали неизбежные случаи, когда Нессельроде влиял на него.

Благодаря своему положению Нессельроде, казалось, был выше подозрений. В Петербурге поговаривали, что он поступает в интересах России там, где ему выгодно, оказывает услуги дружественным и недружественным государствам, то изменяя, то смягчая позицию России, и что проблемы Востока в этом отношении оказались для него сущим кладом. Он до глубокой старости широко пользовался обычаем, о котором когда-то говорил его отец.

Амуром с недавних пор интересовались англичане. Посол не раз намекал на это в беседах с Нессельроде. В Забайкалье, а потом и на Амур через Россию должны отправиться английские путешественники.

Через несколько дней после встречи с Меншиковым канцлер снова был во дворце, и Николай спросил его мнение об Амуре, помянув, что о новом исследовании хлопотал Муравьев и его поддерживает Меншиков, что они желают установить по Амuru связь Сибири с Камчаткой и с прибрежными гарнизонами.

– Ваше величество, – сказал Нессельроде напыщенно, – любые действия наши на Амуре вызовут нежелательные для нас в настоящий момент столкновения с англичанами. Лучше нам уступить, но занять твердую позицию здесь. Одна из восточных проблем уже занимает ваше величество. Стоит ли к заботам о Ближнем Востоке прибавлять еще новую – о Дальнем, где мы занимаем выгодное положение одним тем, что владения наши там недоступны врагу? Кроме того, если мы выйдем по Амuru к океану, мы нарушим всю систему каторги и ссылки в Сибири, лишим эту страну ее естественного назначения, того, чем она дорога нам. Сибирь – это мешок, в который мы складываем свои грехи. Если мы займем Амур, то этот мешок окажется распоротым. Сибирь может отложиться от России, а ведь в Сибири политические ссыльные!

Царь в шюртуке с эполетами, с жирным и бледным лицом, стоя среди комнаты, испуганно оглядел канцлера голубыми глазами навывкате. Нессельроде затронул его больное место. Царь в таких случаях готов был отказаться не только от Амuru и от коренных русских земель, но и от чего угодно.

– Богдыхан просит нас о разграничении, – продолжал канцлер. – Следует воспользоваться этим, отправить экспедицию для проведения границы по Становому хребту.

Удар канцлера был меток. Он перечислил фамилии ученых. Это англичанин, француз, голландец. Это Крузенштерн. Подтверждает Врангель. Ходило судно шкипера Гаврилова, лучшего, прекрасного морского офицера, который высочайше награжден, обласкан. Гаврилов подтвердил, что река Амур исчезает в песках.

Канцлер знал, что самодержцы охотно считаются с общепризнанными учеными.

Царь молчал. Он помнил, что Муравьев весьма основательно доказывал, что России следует утвердиться на Амуре, который принадлежит ей и не может оказаться несудоходным.

Но доводы Нессельроде были весьма основательны. Царь сам думал не раз, что опасно давать Сибири выход к океану.

Все опасно, что ни реши...

Кроме того, намек канцлера на возможное столкновение с англичанами тоже значил многое. Англия хочет захватить Китай, поставить его в положение колонии. Несмотря на частые конфликты и разногласия с Англией, царь все же не хотел ссориться с англичанами. Он пытался уверить английский двор и английских государственных деятелей, что Россия и Англия должны понять: у них один общий враг – революция. Николай не хотел ни единого нового повода для ссор с англичанами. Его глубоко огорчало, что они не понимают своих выгод.

«Они еще спохватятся, – думал царь, – и жестоко покаются. Бог накажет их».

Но сам он желал быть благородным рыцарем в отношении английской короны и ее подданных и до последней возможности сохранять мост между двумя великими монархиями.

Так, из боязни одной лишь тени революции и революционеров он не хотел дать Сибири выход к океану.

Из преданности делу контрреволюции он не желал тревожить англичан. Тут никакой Муравьев, как бы ни был он прав, не мог иметь никакого значения...

– Представьте доклад о посылке экспедиции для проведения границы по Становому хребту, – сказал царь. – Храните в тайне подготовку такой экспедиции.

«Что бы ни задумали горячие головы, – подумал Нессельроде, выходя из Иорданского подъезда дворца к своей карете, – все их замыслы обречены на провал». Он сам знал, что Амур никому не принадлежит. Он лишь делал вид, что не верит этому.

Глава двенадцатая. В Новой Голландии

Из Адмиралтейства Невельской заехал в Кирпичный переулок к Баласогло. Со своей большой семьей Александр Пантелеймонович Баласогло жил на втором этаже старого деревянного дома с гнилой лестницей.

Невельского встретила жена Баласогло, хорошенькая молодая женщина с пышными светлыми волосами. На руках она держала смуглого ребенка. Глаза ее были заплаканы.

– Проходите, Геннадий Иванович, – улыбаясь сквозь слезы, сказала она. – Муж давно ждет вас, но сегодня он задержится.

Она проводила Невельского в гостиную, служившую также и кабинетом Александру. Окна комнаты выходили во двор и заслонялись сырой кирпичной стеной.

– Вы знаете, ведь у него с Муравьевым ничего не вышло, – сказала Ольга Николаевна. – Муравьев так много обещал ему и ничего не сделал. Уехал в Сибирь, а его даже не принял перед отъездом.

Для Невельского это известие было неожиданным. Он надеялся, что Баласогло за время его отсутствия уже начал действовать и со дня на день должен выехать в Сибирь.

– Ах, боже мой! – продолжала Ольга Николаевна, заметив удивление Невельского. – Он так был расстроен! Ведь губернатор взял все его записки и, как муж слышал, очень ими остался доволен, даже хотел государю показать. А самого Александра Пантелеймоновича даже не впустил к себе. Я всегда говорю Александру, что нельзя так кидаться к людям. Ведь он все надеется, что найдет человека, который его сразу поймет, и каждому говорит бог знает что!

Ольга Николаевна, держа ребенка на руках и играя с ним, помянула, что у них, кроме того, домашние неприятности. Видно было, что она уже смирилась с неудачей, постигшей мужа.

– А я собиралась ехать с детьми в Сибирь, – вдруг грустно сказала она. – Мы мечтали, что я буду преподавать там музыку.

– Тут какое-то недоразумение! – сказал Невельской. – Быть не может, чтобы Муравьев без причины так внезапно переменялся.

– Ах, что вы, Геннадий Иванович! Муравьев знал, что делает, – с грустью ответила Ольга Николаевна. – Муж просил встречи с ним, лишь чтобы попрощаться, но Муравьев даже и не впустил его к себе. А мой Александр Пантелеймонович еще и говорит: мол, слава богу, что встретился такой человек, который заинтересовался моими записками и взял их, когда никто другой, мол, знать этого не хочет. Конечно, теперь все потеряно. Теперь он зачастил к Петрашевскому.

– Ольга Николаевна! Еще не все потеряно! – горячо сказал Невельской.

– Ах, не говорите, Геннадий Иванович!

– Нет, нет, Ольга Николаевна! Прошу вас, как только Александр Пантелеймонович придет, передайте ему, что мне очень надо видеть его. И, пожалуйста, скажите, что даже в самом крайнем случае у меня еще есть надежда. А лучше всего, я приеду к вам сегодня же вечером, как только освобожусь...

* * *

Наутро (это было в один из теплых дней на исходе февраля) Невельской перешел деревянный мостик через узкий канал с грязным льдом. Вдоль канала тянулись обнесенные красной кирпичной стеной морские склады. Это Новая Голландия – целый город складов и морских служб, обведенный каналами.

Невельской вошел в двухэтажный кирпичный домик конторы, строенный в голландском стиле.

Через некоторое время пузатый чиновник, проворно шагая, повел его на склад. Они повернули за угол высокой стены и прошли мимо бассейна. Канал через огромные кирпичные ворота с колоннами проходил внутрь двора и соединялся с бассейном. Из Невы по каналам небольшие суда проходили прямо во двор Новой Голландии и здесь грузились или разгружались.

Второй чиновник, пожилой, малого роста, спотыкаясь, спешил следом. Красные кирпичные громады складов с высокими полукруглыми окнами, сетчатыми от частых переплетов, обступили двор.

Под каменными сводами здания пахло плесенью, было сыро, холодно и глухо, но у толстого чиновника от волнения пот выступил на лице. Чиновники втайне были весьма довольны, что явился капитан судна. Они лишь слегка волновались от предвкушения барышей, которые получают после сдачи грузов. А сдача должна скоро начаться.

На каменном полу горами лежали куски кожи, сапожный товар, штуки холста, матросские и солдатские сукна. Все было свалено кое-как.

– Вот и камчатские кучки! – воскликнул пузатый чиновник.

«Действительно кучки!» – хмурясь, подумал Невельской. Товары эти надлежало грузить на «Байкал» и везти на Камчатку.

Интенданты – их теперь собралось пятеро – молча обступили его.

– Но как же принимать такой товар? – спросил Невельской. – Груз должен быть упакован и запломбирован.

– Нет, у нас не так! – бойко ответил пузатый чиновник. – Мы всегда сдаем по мере, счету и весу. А то, знаете ли...

Чиновник усмехнулся и не договорил. Он, видно, хотел сказать, что на судах могут украсть товары из запакованных мест или привезти не то, что следует.

«Сколько же времени уйдет на сдачу такого товара в Петропавловске и в Охотске? – подумал Невельской. – Приемка их камчатскими служащими затянется, и все это за счет времени, потребного на исследования. К тому же товары бог весть какого качества. Да все их и не взять на транспорт. “Байкал” мал для такого количества неупакованных грузов. Может быть, если уложить, упаковать в места, только тогда все примем на борт».

– Необходимо, господа, уложить все. Принимать грузы будем по количеству мест. В противном случае мы не сможем взять и половины.

– Это как вам угодно! – ответил старичок.

– Что вы, господин капитан! Так еще никогда не было! – сказал толстый. – Да это и невозможно.

Интенданты наперебой заговорили, что еще никогда и никто не отправлял товары на Камчатку запломбированными местами, что от этого бывают только злоупотребления, а потом обвиняют интендантов, тогда как виноваты не они, а моряки. Интенданты говорили тоном, не допускающим возражений. Это был народ сытый и самоуверенный.

– Я не стану считать штуки холста и кожи! – строго возразил Невельской. – Это не мое дело.

Он приказал подать сукно. Кладовщик начал поднимать и развертывать куски. Невельской, подойдя к полукруглому окну, сквозь грязные стекла которого солнце еле пробивалось в темную сырость склада, снял перчатки и стал рассматривать сукно. Как опытный морской офицер, много лет плававший на кораблях, он разбирался в таких вещах.

– Гнилье! – заметил он и легко разорвал сукно. Пыль столбом ударила из разрыва. – Безобразие, господа! – Он разорвал сукно дальше и бросил его на пол.

Интенданты взяли кусок и стали рассматривать его с таким видом, будто это для них было новостью. Они о чем-то перешептывались.

Кожа и холст тоже никуда не годились.

Все было прелое и гнилое. Очевидно, в «камчатские кучки» сваливали гнилье, отбросы.

Пузатый интендант стал уверять Невельского, что товары не так уж плохи, что испокон веков лучшего на Камчатку и не посылали.

– Это не оправдание, а позор, что лучшего на Камчатку не посылали, – ответил Невельской. – Там ждут товаров, казна строит корабли, посылает кругосветным, офицеры и матросы подвергаются опасностям, а в трюме будет лежать гниль!

– У нас другого нет! – ответил интендант.

– Как это нет?! – краснея, закричал на него Невельской. – Как вам не стыдно! Мы не в игрушки играем, господин интендант! Как это в России не найдется доброкачественных товаров для Камчатки?

– Позвольте, позвольте! – обиженно заговорил пожилой интендантский офицер. – Не следовало бы забываться.

– Другого нет-с, – самоуверенно твердил пузатый. – Что положено!

– Лучше нет! – повторил кладовщик.

– Да еще как рвет сукно! – бормотал молодой интендантский офицер, бережно складывая обратно в кучу брошенные и разорванные Невельским гнилые образцы.

Начальник склада, важный, сухой старик в железных очках и в фуражке с выцветшим зеленым околышем над такими же выцветшими глазами, холодно выслушал Невельского.

– Иного товара нет! – ответил он.

– Я буду требовать, господа! Это ваша обязанность.

– Вы не на корабле! Мы знаем свои обязанности! – строго ответил начальник склада.

Чиновники не испугались. Они и слышать не хотели про замену и упаковку товаров.

– Другие берут и бывают очень довольные, – тихо сказал Невельскому пожилой чиновник, намекая на взятку.

– Придет еще, поклонится, – сказал пузатый, когда капитан уехал.

– Прыткий! – заметил начальник склада.

«Построили для интендантов и казнокрадов», – подумал Невельской, проезжая по берегу канала мимо кирпичных стен Новой Голландии.

Он явился в Адмиралтейство к генерал-интенданту Васильеву. Старый важный вице-адмирал с седыми моржовыми усами, любезно выслушав его, вполне со всем согласился. Он попросил Невельского подробно изложить свою жалобу на бумаге, перечислить всех, кто чинит затруднения, и обещал дать делу немедленный ход.

Через три дня Невельской явился снова.

– Прошу вас подробно ознакомиться с ответом, – сказал Васильев, подавая целую кипу бумаг.

Невельской увидел свой доклад со множеством пометок, вопросов и знаков восклицания, сделанных на полях. К докладу были приложены другие бумаги – ответные жалобы интендантов на Невельского, обвинявших его в грубости, и длиннейшие объяснения на каждый пункт его требований. Подшита была целая груда отписок, составленных интендантами.

В присутствии генерал-интенданта Невельской стал разбирать их. Он понял, что Васильев не нашел ничего лучшего, как послать его доклад в Новую Голландию, тем самым чиновникам, на которых он жаловался.

– К глубокому сожалению, ваши требования исполнить невозможно, – ласково улыбаясь и показывая из-под моржовых усов зубы, сказал адмирал и развел руками.

– Ваше превосходительство! – воскликнул Невельской. – Все эти возражения – простое крючкотворство! Нельзя же транспорту везти в Камчатку гнилье.

Васильев как бы с испугом взглянул на Невельского, седые щетинистые брови адмирала встали дыбом, а концы усов поползли вниз. Но тотчас же лицо его приняло выражение суровой неприступности.

– Сочувствую, но сделать ничего не могу, – холодно заявил он.

Возвращаясь из Адмиралтейства, Невельской размышлял о том, что никакие призывы к справедливости и разумные доказательства не могут тут подействовать и что разбирать эту стачку можно, лишь обрушив на интендантов силу высшей власти.

Навстречу мчались санки. Ехала пожилая женщина. Рядом с ней и напротив сидели две юные девушки.

Одна из них взглянула на Невельского и тотчас же отвела взор. Он увидел ее большие глаза, разрумянившиеся щеки. Соболиные брови ее дрогнули, и она промчалась, закрывая лицо муфтой.

«Какая славная девушка! – подумал Невельской. – Как знать, вдруг встречу с ней когда-нибудь?» – мелькнуло в голове, и он посмотрел туда, где в снежном вихре исчезли санки.

Тут он вспомнил про постройку судна, подбор офицеров и команды, про оснащение корабля, про составление докладов, жалоб и записок, про Баласогло, с которым он уговорился ехать к Литке, чтобы хлопотать об отправлении экспедиции от Географического общества.

Глава тринадцатая. Остен

В инее огромные колонны Исаакиевского собора. Побелели и разлохматились стриженные деревья.

К подъезду гостиницы «Бокен» в этот ранний час подкатил возок, весь в курже, как и побелевшая от мороза четверка лошадей.

Зимой пароходы приходили не в Петербург, а в незамерзающие порты Остзейского края. Оттуда прикатывали в таких застывших, запыленных снегом экипажах путешественники из далеких стран.

С облучка соскочил слуга, другой выскочил из двери возка. Отвязывали чемоданы.

В подъезд гостиницы прошли высокий мужчина в меховой шапке с ушами и в шубе мехом наружу и белокурая высокая дама в мехах и меховых сапогах.

Швейцары почтительно поклонились:

– Пожалуйте, мосье... Будьте столь любезны...

Швейцары открывали двери, помогали слугам, вносившим вещи. По кожаным сундукам с обручами и по чемоданам видно, что прибыли важные персоны.

Приезжий скинул шубу и шапку. У него короткие усы и плоские бакенбарды, узкое сухое лицо, уже немолодое и несколько жестковатое, в начинающихся морщинах, со следами былой красоты. Плечи как у борца, волосы на руках.

В книге появились записи: «Эдвард Генри Остен. Ингрида Марта Остен. Лондон. С ними слуги...»

...Поздним снежным вечером из ворот английского посольства выезжала зеркальная карета на полозьях.

– Сам, куда-то. Опять, видно, к государю! – рассудительно заметил старый дворник в фартуке, обращаясь к своему сыну, нагружавшему снег на телегу деревянной лопатой. – Одно слово – посол! Имеет большую важность! Государь присылает кулера – извольте побеспокоиться!

...В новом здании министерства иностранных дел, на Мойке, в квартире канцлера графа Нессельроде, в этот вечер сидели двое стариков.

На столе орхидеи из собственной оранжереи графа в вазе из малахита. При свете свечей видна печь, изразцы с рельефными голубыми вакханками.

В руках у канцлера колода карт. Дипломаты отдыхают сегодня.

– Ничто не ново под луной! – говорит граф Нессельроде. Это его любимое изречение.

Лорд Блумфильд улыбается, принимает карты. Этот тяжелый немногословный человек может показаться тугим на соображение. Живой и разговорчивый Карл Вильгельмович и мрачный англичанин дружили давно и понимали отлично друг друга.

На стене – поясной портрет Павла I и рядом – маленький портрет Людовика XVI.

– Конечно, экспедиции лучше идти с возвышенной целью! – говорит Нессельроде.

Англичанин, каждый раз получая карту, проворно кивает головой. Это можно, безобидная карточная игра, отрада спокойных и уравновешенных дипломатов, отлично представляющих, что нужно и что можно для здоровья в этом климате и в этот час.

– Но какая же цель такого путешествия? – спрашивает Нессельроде.

– Геологические и научные исследования, – отвечает посол.

Между собой дипломаты нередко говорили с циничной откровенностью профессионалов, и разногласия стран, которые они представляли, не нарушали их дружбы. Они как бы снисходительно извиняли своих повелителей, передавая друг другу неприятные известия от их имени и оставаясь между собой друзьями.

Нессельроде дал понять, что нелегко допустить на Амур английскую экспедицию, что у России там важные интересы и что все это дело очень серьезное...

– Жаль, что там нет святых мест... Там китобои и киты... Может быть, стоит искать кости того кита, который проглотил пророка Иону? – спрашивает Нессельроде.

Англичанин мутно уставился на него и заморгал маленькими ресничками. Нессельроде заговорил быстрее.

– Господин Остен геолог? Чего же еще? Он уже выехал в Сибирь! Как нынче все спешат! Ведь мы с вами отправили туда одного геолога. Ах, простите, то был географ!

Посол молча кивает головой.

– Бумагу я прикажу опять послать не губернатору. Предписание пропустить геолога господина Остена, подданного Великобритании, на Амур. Так же как и с географом, на почту в Иркутск господину Остену, а господин Остен предъявит ее новому губернатору Николаю Муравьеву.

Посол серьезен. Понимающе благодарит взглядом, кланяется, не получая карты. Ходит картой.

– Дружба обязывает! – снисходительно и ласково говорит канцлер. – У нас общий враг – революция... Государь повторяет мне об этом неоднократно...

Англичанин холоден, как каменная глыба. Нессельроде вдруг широким умелым движением раскладывает карты. Колода как бы разбегается по столу.

– Теперь там другой губернатор, – говорит Нессельроде, – Муравьев! Но посмотрим. Да! – Нессельроде был очень раздражен против Муравьева и поэтому произносил его имя улыбаясь, как бы вспоминая что-то приятное... «Муравьев – толстокожий. Не понял, что писано не ему, но предупреждение ему! Так напишем точно так же. Пусть знает свое место. Говорят, он желает, чтобы государь позволил ему сноситься со двором богдыхана, минуя министерство иностранных дел... Поделом ему!»

Глава четырнадцатая. Перо светлейшего

Меншиков принял Невельского любезнее, чем в прошлый раз, но был сух и хмурился. Старательные подчиненные всегда приводили князя в хорошее настроение. У Меншикова были и другие причины радоваться скорому спуску и отходу «Байкала» на Камчатку. Транспорту как можно скорее следует пройти Европу.

– Но есть причина, из-за которой все может провалиться, – сказал Невельской.

– Что же такое? – обеспокоенно пробубнил Меншиков.

– Грузы, назначенные на Камчатку, непригодны.

Невельской показал образцы гнилых товаров. Князь, растягивая кусочки кожи и сукна, прищурившись, рассматривал их.

Невельской рассказал о столкновении с интендантами и подал свой доклад с ответами и замечаниями чиновников.

Меншиков с любопытством прочел все бумаги. Это были дела знакомые ему и обычные. Он тут как рыба в воде и видел, что следует, по нынешним временам, вмешаться и постоять за капитана. Князь знал, что одна его надпись произведет огромное впечатление и словно гром прокатится по отделам. Он любил время от времени потрясать своих подчиненных подобным способом.

Меншиков оторвал от доклада Невельского бумаги, исписанные интендантами, и кинул их в корзину.

Князь взял перо, а лицо его приняло такое выражение, как будто он брал плеть. Он написал на докладе Невельского: «В точности исполнить все немедленно, – и, подумав, добавил: – так же как и все дальнейшие требования капитана, клонящиеся к скорейшему выходу транспорта из Кронштадта».

– Я весьма доволен тем, что вы уладили дело со строителями и предполагаете взять весь назначенный к отправке груз, – сказал он, отдавая бумаги.

– Ваша светлость! Теперь, когда решен вопрос с грузами и транспорт будет спущен на воду раньше срока, я могу обещать вам, что приду в Камчатку не осенью, а весной будущего года. Поэтому прошу вас дать «Байкалу» инструкцию на опись юго-восточного берега Охотского моря. Берег этот нанесен на нашей карте пунктиром и должен быть описан.

– Вам все хочется исследования производить! Но у вас есть только год для путешествия на «Байкале». На год ассигнованы деньги, – резко ответил князь, – и я ни копейки больше дать не могу.

– Я исполню эту опись без всякой затраты средств за те месяцы, которые останутся от путешествия. Лето будущего года у меня свободно.

Князь нахмурился, медленно поднялся во весь рост свой и подошел к карте.

– Юго-западный берег Охотского моря действительно необходимо привести в известность. И генерал-губернатор Восточной Сибири все время хлопотал об этом, – ответил он. – Муравьев был у меня. Но без позволения императора опись берегов Охотского моря, которую вы желаете произвести, нельзя исполнить. Министр иностранных дел опасается, что из-за описи могут быть неприятности, и не хочет представлять об этом государю. Да, действительно, опись нам нужна. Ко мне идут бумаги из Охотска, что без подробной описи нашим судам опасно там плавать. Но самое верное средство провалить все ваши проекты у Нессельроде – это мне заговорить про них, – с холодной усмешкой добавил Меншиков. – А при теперешних политических обстоятельствах на Западе министр иностранных дел под предлогом осторожности будет всем нам кровь портить, едва поднимем какой-либо вопрос. Впрочем, время у нас еще есть. Февраль на дворе, до отхода корабля, может быть, что-нибудь решим. Но предупреждаю вас, что об описи устья Амура вам следует позабыть. Нессельроде догадлив и раску-

сил, что вы с Муравьевым затеваете. Он признает нежелательными действия на Амуре. Если же вы совершите такую опись самовольно, то скомпрометируете себя, и я предупреждаю вас, что умою руки в таком случае. Теперь же вам следует поспешить с отходом из Кронштадта. В Европе назревают большие события.

Невельской уже знал, что во Франции революция, что в Петербурге свирепствует цензура, всюду рыщут сыщики. Идет подготовка войск на случай похода в Европу. Недавно среди морских офицеров произведены были аресты.

Видя, что офицер огорчился, князь решил кое-что приоткрыть ему, чтобы представил себе опасность, которая может грозить государству.

– Вот только что пришло секретное донесение, что наши морские офицеры в иностранном порту пили за здоровье французской республики! Республики!

Выцветшие глаза князя сверкнули. Видно было, что уж тут он не поленился привести в движение свою сытую и тяжелую силу.

Глава пятнадцатая. Рыцарь-адмирал

На другой день после полудня Невельской заехал на склад. Из-под фуражки с выцветшим околышем старик начальник надменно осмотрел вошедшего офицера. Чуть заметная насмешка мелькнула на его лице.

Интенданты, полагая, что офицер приехал с повинной, заглядывали в дверь. Невельской подал бумагу.

Начальник долго хмурился и не мог понять, что за подпись явилась на докладе. Вдруг он разобрал. На бумаге, писанной строптивым капитаном, которая была всеобщим посмешищем, чудом появилась строка, выведенная светлейшим. Старика как громом поразило.

За поздним временем Невельской сказал, что будет завтра, и уехал.

На следующее утро, когда он снова явился на склады, по тому, как опрометью, легко и проворно кинулся куда-то наверх, в контору, встретивший его на лестнице пузатый чиновник, он почувствовал, что надпись Меншикова произвела свое действие.

Спеси чиновников как не бывало. Начальник склада был желт и зол, но делал все согласно с желаниями Невельского. Распоряжение Меншикова вводило его в убытки, лишало дохода, на который он рассчитывал. Но втайне он надеялся, что еще удастся всучить гниль и заваль и что обманом можно будет добиться своего.

Но и Невельской догадывался о намерениях интендантов. Он предупредил, что при приеме грузов, согласно правилам, скрепленным подписью князя, он может снять пломбу и распаковать любое место, и если окажется, что отправляемые материалы дурны или мера и вес их менее показанных в ведомости, то все чиновники штрафуются двойной суммой, представляющей стоимость этого места.

– Правило это утверждено князем, – еще раз заметил Невельской, – и является для вас законом.

По дороге со складов, у морских гвардейских казарм, пролетка Невельского, медленно продвигаясь среди множества скопившихся здесь ломовых телег и саней, поравнялась у края узкого тротуара с Полозовым, который задумчиво шагал, подняв меховой воротник.

– Константин! – окликнул его Невельской.

Друг и родственник, Полозов на некоторое время уезжал из Петербурга, и они не виделись.

– Поздравляю, Геннадий! – сказал Полозов по-французски, усаживаясь в пролетку и горячо пожимая руку Невельского. – Во Франции революция!

Невельской засмеялся.

– Меншиков, опасаясь революции, хочет, чтобы я скорей прошел Европу! Впервые, кажется, в жизни отдал распоряжение, чтобы транспорт, идущий в Камчатку, не грузили гнильем.

– Государь вчера собрал петербургских дворян, держал речь о том, что в России нет полиции и что он полицию не любит! «Вы, говорит, господа, моя полиция!»

Невельской смолчал.

– Ну а помнишь, я говорил про Муравьева? Видишь, как он поступил с Баласогло? Рухнула вся наша экспедиция. А ты говорил, что он смотрит на все реально и поможет действовать вне повелений!

Тень пробежала по лицу Невельского:

– Мне кажется, тут недоразумение.

– Нет, это не недоразумение. Муравьев поступил именно так, как у нас принято. Получил, что ему было нужно, – копии редчайших документов, взял целое исследование по вопросам

Востока, получил все, что собиралось годами, а самого Баласогло выгнал. Недаром считается, что Муравьев человек дела. Помни мой совет, Геннадий, держи с ним ухо остро!

– Муравьев сам знает проблемы Сибири, – ответил Невельской, – еще отец его служил в Нерчинске... Тут какое-то недоразумение.

Невельской сказал, что, может быть, еще удастся Баласогло отправить в сухопутную экспедицию от Географического общества под предлогом осмотра и описания восточных окраин отечества...

На другой день Невельской и Баласогло явились к Литке. Адмирал больше не плавает. Он почти устранен Меншиковым от всякой деятельности. Время тревожное, неприятное. Всюду сыск, всех подозревают.

Литке выслушал молодых просителей. Когда-то декабристы утверждали, что Амур нужен для будущего.

Но сейчас предложение Баласогло отправиться в экспедицию на Восток, с тем чтобы при удобном случае проникнуть к Амуру, показалось ему несвоевременным. Предстояла экспедиция Невельского. Пока и этого было бы вполне достаточно. Литке понимал, что замышляет молодежь. Но при всей любви к науке совсем не желал, чтобы Географическое общество путалось в такие дела, хотя сам давно сочувствовал идее возвращения Приамурья.

– Это выдумка молодых фантазеров, – сказал он категорически, согласный с ними в душе.

Баласогло, надеясь, что знаменитый ученый поймет его, пустился в рассуждения и пооткровенничал, но он произвел на Литке лишь неприятное впечатление.

Литке заметил холодно:

– Сейчас не время! Россия слишком великая страна, чтобы ее можно было описывать так, как вам этого хочется.

Федор Петрович спросил Невельского о ходе постройки «Байкала» и о подготовке к плаванию. Выяснив, что все идет отлично, старик повеселел.

А Невельской огорчился. Он знал, что часто Баласогло производит плохое впечатление. Его черные сверкающие глаза, сросшиеся брови... Александра принимают за какую-то подзрительную личность, за кого-то вроде менялы, а он патриот и горячий революционер в душе.

– А сам я не у дела... – пожаловался Литке.

Больше не существовало гордого рыцаря-адмирала, растившего молодого рыцаря для отважных турниров. Нет ливней и штормов, нет гордого, холодного взгляда из-под высокого капюшона. Молодой орел вылетел... А государь, казалось, забыл о существовании его воспитателя. Сейчас правительство стыдится своих ландскнехтов, желает обрести опору в народности, православии. Ведь скоро придется воевать... Литке даже ссутулился.

– Отставлен за негодность э, дорогой мой Геннадий Иванович, как старый блокшив, – говорит он своему ученику. – А вы, как всегда, фанатически одержимы идеей...

– Литке со своим другом Струве – как духи в поэме Шиллера, – поднимая воротник шинели и сверкая своими черными глазами, сказал Баласогло, выходя из Географического общества. – Встретившись, один спрашивает другого: «Есть ли конец света там, откуда ты летишь?» – «Нет! А там, откуда ты?» – «Тоже нет». Ну, так успокоимся. Россия – это целый мир, она необъятна, и нам незачем волноваться!..

– А каковы же взгляды Петрашевского на будущее Сибири? – спросил Невельской у Баласогло, когда они шли по Большой Морской.

– Михаил Васильевич полагает, что в будущем Сибирь необычайно разовьется, – ответил Баласогло. – Развитие Сибири, говорит он, сблизит Россию с величайшими государствами, лежащими на берегах Великого океана, и в первую очередь – с Китаем, будущее значение которого, по его мнению, еще следует угадать. И наконец, это необходимо потому, что Россия, как он говорит, должна пройти все формы общественного развития, претерпеть все страдания и совершить все открытия, прежде чем она достигнет истинного, назначенного ей величия...

Часть вторая

Демократ и деспот

Глава шестнадцатая. Прием

Четырнадцатого марта 1848 года зимним путем, который снова установился, когда после оттепели ударил мороз и прошли снегопады, Муравьев прискакал в Иркутск. Впереди вихрем мчались казаки. Взрывая волны снега, бешенные кони с треском подняли возки губернатора с речного льда на берег и, промчав по набережной Ангары, остановились у каменного дома с плоским навесом на чугунных столбах. Следом за возком Муравьева мчался целый поезд кошевок чиновников, ездивших встречать его за семь верст к монастырю.

Приезд нового губернатора явился большим событием, особенно в таком далеком краю, как Восточная Сибирь.

С первых же шагов Муравьев решил показать всем, что он не таков, как его предшественники.

– Позволь, забыл повязку! – собираясь утром на прием, сказал он жене.

Муравьев был в простом пехотном мундире, с боевым крестом.

– Опять болит рука? – встревоженно спросила Екатерина Николаевна. – Ведь ты давно уже ходишь без повязки.

– Но сегодня необходимо явиться с повязкой. Пусть видят, что я генерал боевой, а не чиновный, и нюхал пороху. Да и чиновников это заставит призадуматься. Увидят, что им руки не подаю. Пусть знают, что я не шутки шутить приехал.

Екатерина Николаевна велела служанке принести кусок черного шелка и сама подвязала руку мужа.

Когда-то, участвуя в Кавказском походе, Муравьев в бою против горцев под русской крепостью Сочи был ранен в правую руку. Рана давно зажила, но генерал при случае носил повязку.

– Вот так, отлично. Спасибо тебе, – сказал он.

Чиновники, собравшиеся в большом зале губернаторского дома у слепой стены, выходящей к Ангаре, ждали с нетерпением появления губернатора. Тут были опытные служаки, выдавшие разные виды. Они знали, что еще в Петербурге новый губернатор поклялся вывести на чистую воду всех откупщиков и взяточников, но надеялись, что дело со временем обойдется. Все они были богатые люди, имели дома, землю, капиталы, связи в столице и полагали, что губернатор хотя и покричит, но что и он так же, как и они, ищет богатства и карьеры и в конце концов столкнется с ними.

Муравьев вошел быстро и, глянув на чиновников из-под своих рыжих бровей, остановился. Его сопровождал чиновник, представлявший всех по очереди.

Муравьев шел вдоль рядов, холодно здороваясь.

– Слышал о вас! – вдруг любезно сказал он какому-то молодому человеку.

У всех отлегло от сердца. Оказалось, что губернатор не таков зверь, как говорили. Сразу же всей этой сытой, затянутой в мундиры толпе полегчало. Но тут губернатор, поравнявшись с начальником золотого стола Мангазеевым, сказал ему тихо, однако так, что все услышали:

– Я надеюсь, вы со мной служить не будете.

Крепкий, скуластый сибиряк Мангазеев побледнел и заморгал.

Весь прием продолжался десять минут. Пришибленные и напуганные чиновники в смятении разъезжались по домам. Чиновный Иркутск замер, ожидая грозы. Вечерами служилые иркутяне собирались в домах с закрытыми ставнями и в тревоге обсуждали свои дела.

Губернатор стал увольнять одного за другим старых чиновников. Он придирался ко всем, потребовал материал о работе золотого стола, о пограничных происшествиях, о кяхтинской чайной торговле с Китаем, вызвал из Нерчинска управителя горных работ.

Отставлен вице-губернатор Пятницкий.

А следом за Муравьевым по сибирским просторам потянулись чиновники и офицеры с семьями.

Весной на должность гражданского губернатора приехал из Тулы старый друг Муравьева и его родственник Владимир Зарин. Вместе служили они офицерами на Кавказе, любили вспоминать походы в горы, битвы с черкесами, встречи в Тифлисе и общих друзей по Кавказу.

Губернатор с женой Екатериной Николаевной покатили встречать Зариных. Переправились на пароме через Ангару и скакали семь верст до стен Иннокентьевского монастыря, который, как древняя крепость, стоял на берегу ярко-синей реки, мчавшейся меж сопок в снегу. Еще холодно. Паром ходит, люди с баграми отталкивают байкальский лед. Становой лед с моря еще не шел, Байкал стоит под его крепкой толщей.

Монахи ловят рыбу. Муравьев здесь уже побывал, молился, знакомился с настоятелем. И еще раз заехал с женой. В соборе Екатерина Николаевна опустилась на колени перед иконой богородицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.